

М 79
193

801-13
1810

ВОПРОСЫ КОЛОНИЗАЦІИ.

ПЕРІОДИЧЕСКІЙ СБОРНИКЪ

подъ редакціей

Г. Ф. Чиркина и Н. А. Гаврилова.

МОСКОВСКІЙ ПУБЛИЧНЫЙ
XIII-08988
И РУМЯНЦОВСКІЙ МУЗЕЙ

№ 12.

1913 г.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ

С.-Петербургскій книжный магазинъ „Учебное Дѣло“.

СПБ., Петербургская Стор., Большой пр., д. 6.

мѣстѣ водворенія—высокой рождаемостью и низкой смертностью, а также почти нормальной брачностью; все это указываетъ какъ на сравнительно благоприятную экономическую обстановку, такъ и на удовлетворительныя гигиеническія условія жизни на новыхъ мѣстахъ.

Не малую роль въ дѣлѣ созиданія экономическаго благосостоянія переселенцевъ на мѣстѣ водворенія сыграло Переселенческое Управленіе, которое могло вначалѣ колонизаціи Забайкалья, когда число переселенцевъ еще сравнительно не велико, удѣлять больше вниманія нуждамъ переселенцевъ, и помогать имъ лучше устроиться.

Сыграло въ этомъ смыслѣ роль и то обстоятельство, что ссудная помощь переселенцамъ со стороны казны (выдача домообзаводственныхъ ссудъ) въ Забайкальѣ была сравнительно широкая.

По даннымъ переписи 1911 года въ среднемъ на 1 наличное хозяйство получено переселенцами домообзаводственной ссуды 179 руб., а въ среднемъ на 1 семью, считая и отсутствующихъ, 142,3 руб.

Сравнивая экономическое положеніе переселенцевъ, только что водворившихся, съ экономическимъ положеніемъ ихъ на другой по водворенію годъ, и съ положеніемъ живущихъ на мѣстѣ водворенія 2—4 года, мы видѣли большую разницу: чѣмъ дольше живутъ переселенцы на мѣстѣ водворенія, тѣмъ благосостояніе ихъ выше, и ростъ этого благосостоянія происходитъ быстро и весьма замѣтно.

Слишкомъ понятно, что дѣлать какіе-либо окончательные выводы относительно степени благоприятности условій водворенія переселенцевъ въ Забайкальѣ по даннымъ, касающимся первыхъ трехъ лѣтъ опыта колонизаціи Забайкалья, невозможно. Но имѣющіяся въ настоящее время данныя во всякомъ случаѣ указываютъ на то, что въ первые годы колонизаціи Забайкалья условія водворенія были благоприятны для водворяющихся.

А. С.

Записка главноуправляющаго землеустройствомъ и земледѣліемъ о поѣздкѣ въ Туркестанскій край въ 1912 году.

Приложеніе къ всеподданнѣйшему докладу.

Въ 1894 году бывшій Министръ Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ Ермоловъ, возвратясь изъ поѣздки въ Туркестанскій край, докладывавъ Его Императорскому Величеству о государственномъ значеніи культуры хлопка въ нашихъ средне-азиатскихъ владѣніяхъ и о возможности для туркестанскаго хлопка не только соперничать на внутреннихъ рынкахъ съ американскимъ, но, „современемъ, совершенно его *вытѣснить* изъ употребленія“. Эти слова Министра были подчеркнуты Государемъ Императоромъ и вызвали Высочайшую отмѣтку: „Весьма желательно этого достигнуть“.

Прошло почти два десятилѣтія. За это время многое измѣнилось. Оренбургъ-Ташкентская желѣзная дорога облегчила сбытъ хлопка на русскія фабрики; ввозная пошлина на американскій хлопокъ упрочила цѣны на хлопокъ. Площадь хлопковыхъ плантацій въ Туркестанѣ утроилась; она достигаетъ теперь 400 тысячъ десятинъ. Туркестанъ, съ Хивой и Бухарой, даетъ уже приблизительно половину всего нужнаго для Россіи хлопка: до 11 милліоновъ пудовъ, стоимостью свыше 100 милліоновъ рублей. Но за остальные 10—12 милліоновъ пудовъ мы все еще выплачиваемъ американцамъ немалую дань. Дань эта составляетъ, за вычетомъ пошлины-остающейся въ русской казнѣ, не менѣе 70—80 милліоновъ рублей ежегодно. Зависимость русской хлопчатобумажной промышленности отъ привознаго американскаго хлопка,—составляющаго $\frac{9}{10}$ всего американскаго къ намъ ввоза,—настолько еще велика, что возможное прекращеніе съ 1913 г. торговаго договора съ Америкой вызвало недавно толки о неминуемомъ

наступлении „хлопкового голода“. Ясно, что останавливаться на подорогах нельзя. Надо весь привозный хлопок замѣнить своимъ: достигнуть Высочайше предначертанной цѣли.

Предпринявъ въ Мартѣ—Апрѣлѣ текущего года поѣздку въ Туркестанъ, я, въ виду краткости бывшаго въ моемъ распоряженіи времени, заранее и намѣренно ограничилъ задачу этой поѣздки одной цѣлью: лично, на мѣстѣ, присмотрѣться къ условіямъ возможнаго расширенія туркестанскаго хлопководства.

Вопросъ этотъ является для края, по вынесенному теперь мною твердому убѣжденію, дѣйствительно центральнымъ, и въ немъ не одна, а три основныхъ грани. Если на одной изъ этихъ граней, ярче всего теперь освѣщенной передъ русскимъ общественнымъ мнѣніемъ, стоитъ надпись „хлопокъ“, то на другой начертано: „орошеніе“, на третьей, пока еще затѣненной, но, быть можетъ, важнѣйшей,—„русское заселеніе“.

Внутренняя, неразрывная связь этихъ вопросовъ вполне выяснилась для меня на мѣстѣ. Только ими я и ограничиваю изложеніе настоящей записки.

ГЛАВА I.

Х л о п о к ъ .

Значеніе
хлопковой
культуры въ
Туркестанѣ.

Въ настоящее время такъ называемыя коренныя области Туркестана—главнымъ образомъ, царство хлопка. Вся земледѣльская производительность этой окраины оцѣнивается статистиками приблизительно въ 350 милліоновъ рублей въ годъ; болѣе половины этой суммы даетъ хлопокъ. Еще рѣзче преобладаніе хлопка выражено въ мѣстной обрабатывающей промышленности: $\frac{5}{6}$ всей стоимости промышленнаго производства Туркестана приходится на хлопкоочистительные и маслобойные заводы.

Но если и не знать этихъ цифръ, а просто побывать въ обстановкѣ Туркестанской окраины, гдѣ хлопокъ является преобладающей темой всѣхъ дѣловыхъ разговоровъ, то сразу становится ясно, что урожай хлопка и цѣны на хлопокъ опредѣляютъ всю хозяйственную жизнь края. Здѣсь—главный нервъ, главный центръ интересовъ и заботъ мѣстнаго населенія; вмѣстѣ съ тѣмъ здѣсь же тотъ узелъ, который связываетъ Туркестанъ съ Москвой и всей остальной Россіей.

Естественныя условія края чрезвычайно благопріятны для культуры хлопчатника. Во многомъ они не уступаютъ условіямъ Америки, забравшей въ свои руки теперь почти все хлопководство,—четыре пятыхъ мирового сбора.

Обиліе солнца, тепла, продолжительность лѣта, плодородіе почвы—все это есть и у насъ. И тогда какъ въ Америкѣ хлопковый поясъ ограниченъ 37° сѣверной широты, въ Средней Азіи онъ достигаетъ 43°. Вся Ферганская область—лучшій и обильнѣйшій хлопковый районъ—лежитъ сѣвернѣе 40-й параллели.

Думать о соперничествѣ съ Америкой на мировомъ рынкѣ намъ пока не приходится: слишкомъ неравны силы. Одинъ Штатъ Луизіана производитъ хлопка столько же, сколько весь Туркестанъ. Притомъ въ Америкѣ хлопокъ растетъ безъ искусственнаго орошенія. Но мы должны и можемъ добиться независимости отъ американскаго ввоза. И для этого всѣ данныя налицо.

Возможность
увеличить
сборъ хлопка
безъ новаго
орошенія и
преграды къ
сему.

Было бы утѣшительно вѣрить,—и такое мнѣніе существуетъ,—что можно увеличить сборъ хлопка съ уже орошенной площади Туркестана настолько, что весь спросъ русской промышленности будетъ удовлетворенъ, безъ необходимости орошать новыя площади. Для этого достаточно повысить, мѣрами агрономической помощи, урожайность хлопковыхъ полей и, снабдивъ край дешевымъ привознымъ хлѣбомъ, замѣнить въ немъ хлопчатникомъ всѣ зерновые посѣвы.

Совершенно противное этому мнѣніе выражено въ трудахъ сенаторской ревизіи Туркестана. Графъ Паленъ еще въ 1909 году категорически заявилъ, будто бы „дальнѣйшее расширеніе площади, засѣваемой хлопчатникомъ въ краѣ, не можетъ сдѣлать *ни одного шага* впередъ безъ предварительныхъ пріращеній работъ“. Въ теченіе трехъ лѣтъ, истекшихъ съ 1909 года, мнѣніе это, однако, три раза опровергнуто уже жизнью. Орошенныхъ земель за это время не прибавилось; площадь же посѣвовъ хлопчатника въ районахъ, уже орошенныхъ, въ общемъ, каждый годъ замѣтно увеличивалась. Даже въ наиболѣе использованной хлопководами Ферганской долины за послѣдніе три года прибавилось 60 тысячъ десятинъ хлопка, или 25—30%; въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ края площадь подъ хлопкомъ удвоилась.

Но если пессимистическое утвержденіе гр. Палена невѣрно и нельзя отрицать возможности значительно увеличить сборъ хлопка съ орошенныхъ теперь земель, то не слѣдуетъ на этотъ путь возлагать и очень большихъ надеждъ. Невозможно безъ орошенія новыхъ площадей пойти далеко впе-

редъ въ этомъ дѣлѣ, приблизиться къ поставленной выше цѣли—освобожденія отъ чужестраннаго хлопкового ига.

Выясненію этого вопроса на мѣстѣ я придавалъ особое значеніе, и вотъ къ чему приводятъ меня собранныя тамъ свѣдѣнія. Нынѣшнее развитіе хлопковыхъ плантацій на земляхъ уже орошенныхъ далеко не достигло еще крайнихъ, послѣднихъ предѣловъ. Оно можетъ и должно еще усилиться за счетъ дальнѣйшаго сокращенія зерновыхъ посѣвовъ на орошенныхъ земляхъ.

Такое направленіе хозяйственной жизни края—съ обще-государственной точки зрѣнія—совершенно естественно и разумно. Мѣстностей, гдѣ можетъ расти хлопчатникъ, у насъ такъ мало (только Туркестанъ и часть Закавказья), а цѣнность хлопка такъ велика, что сѣять и здѣсь все ту же пшеницу значить идти вразрѣзъ съ требованіями здраваго экономическаго расчета. Каждый лишній пудъ туркестанской пшеницы—конкуренція русской и сибирской пшеницѣ; каждый лишній пудъ туркестанскаго хлопка—конкуренція американскому хлопку. Поэтому лучше дать краю привозной, хотя бы и дорогой хлѣбъ, но освободить въ немъ орошенныя земли для хлопка. Въ той громадной, самою природою устроенной оранжерей, какой является Туркестанъ, первое мѣсто не можетъ принадлежать хлѣбнымъ колосамъ; для нихъ у насъ еще достаточно простора на тамбовскихъ и самарскихъ и семирѣченскихъ поляхъ. Тамъ, гдѣ простые сарты доходятъ иногда до такого своеобразнаго и замѣчательнаго сѣвооборота, какъ *„рисъ—дыни—хлопчатникъ“*, нельзя перебиваться съ ячменя на пшеницу.

Между тѣмъ, на драгоценныхъ поливныхъ земляхъ Туркестана зерновые посѣвы и теперь все еще преобладаютъ надъ хлопкомъ, несмотря на то, что урожаи пшеницы, во много разъ менѣе цѣнной, оказываются иногда—напр. на солончаковыхъ земляхъ—даже по количеству ниже, чѣмъ урожай хлопка.

По даннымъ 1910 года орошенная площадь Туркестана использовалась такъ:

ОБЛАСТИ.	Площадь орошен. земель.	Посѣвовъ пшеницы.	Посѣ- вовъ хлопка.	Въ % кь общей орошенной пло- щади подъ хлоп- комъ находилось.
Въ тысячахъ десятинъ.				
Закаспійская	100	30	28	28 ⁰ / ₀
Сырѣ-Дарьинская	640	339	29	4,5 ⁰ / ₀
Самаркандская	625	272	22	3,5 ⁰ / ₀
Ферганская	890	370	300	31,1 ⁰ / ₀
Итого .	2.255	1.011	379	16,8 ⁰ / ₀

Такимъ образомъ, хлопкомъ занято было въ краѣ (за исключеніемъ Семирѣчья, области слишкомъ сѣверной для хлопка) всего 16,8⁰/₀ орошаемыхъ земель, при чемъ лишь по двумъ областямъ: Закаспійской и Ферганской подъ хлопокъ поступило около трети (отъ 28 до 31,1⁰/₀) орошенной площади, а по двумъ другимъ подъ хлопокъ находилось, въ среднемъ, всего 4⁰/₀ орошенныхъ земель, тогда какъ подъ пшеницей было въ 10—12 разъ больше. Даже такой, чуть не повсемѣстно, у сѣверныхъ границъ сельско-хозяйственной культуры, успѣшно разводимый хлѣбъ, какъ ячмень, отнимаетъ у цѣнныхъ культуръ въ Сырѣ-Дарьинской области свыше 13⁰/₀, а въ Самаркандской свыше 18⁰/₀ площади поливной земли: въ три и въ пять разъ больше, чѣмъ хлопокъ.

Между тѣмъ правильная культура хлопка и самый осторожно-расчетливый сѣвооборотъ допускаютъ занятіе хлопчатникомъ трети полевой площади; опытное поле въ Голодной степи выработало сѣвооборотъ, отводящій подъ хлопокъ 40⁰/₀ посѣвной площади, а туземцы достигаютъ мѣстами—при помощи усиленнаго удобренія—еще болѣе выгоднаго распределенія посѣвовъ.

Что же задерживаетъ дальнѣйшій ростъ нынѣшнихъ хлопковыхъ плантацій на орошенныхъ уже земляхъ? Что мѣшаетъ населенію Туркестана, хорошо знакомому съ выгодностью хлопковой культуры, развитіе ее хотя бы до предѣловъ, указываемыхъ требованіями правильнаго сѣвооборота, т.-е. до 33⁰/₀ поливной площади?

Когда я ставилъ этотъ вопросъ въ мѣстныхъ совѣщаніяхъ, то чаще всего ссылались на три главныхъ препятствія для развитія хлопководства: 1) недостатокъ и дороговизну хлѣба и въ особенности—кормовъ, 2) недостатокъ и дороговизну рабочихъ рукъ и 3) недостатокъ и дороговизну кредита.

Хлѣбъ и корма расцѣпываются въ Туркестанѣ теперь непомѣрно дорого. Пудъ пшеницы стоитъ здѣсь обычно 1 рубль 50 копѣекъ, а въ нынѣшніе годы 2 рубля и дороже (во время моей поѣздки, цѣны въ Ферганѣ стояли 2 рубля 20 копѣекъ), пудъ ячменя 1 рубль 40 копѣекъ; сотни сноповъ люцерны 25—30 рублей и т. д. Между тѣмъ, какихъ-нибудь двадцать лѣтъ тому назадъ, въ Ферганѣ пшеница стоила 45 копѣекъ пудъ, а сотня сноповъ люцерны 2 рубля. При такомъ рѣзкомъ подъемѣ цѣнъ на хлѣбъ и кормъ для скота, одностороннее развитіе хлопководства можетъ, въ годы неурожая на хлопокъ, грозить крушеніемъ мелкихъ хозяйствъ. Отсюда понятна боязнь многихъ хозяевъ отказаться отъ зерновыхъ посѣвовъ или сильно сократить ихъ на поливныхъ земляхъ.

Недостатокъ и дороговизна хлѣба и мѣры къ улучшенію этихъ условій

а) Богарное земледѣліе.

Но правильный выходъ изъ этого положенія долженъ быть, конечно, иной: хлѣбъ и корма должны производиться въ возможной близости отъ хлопковыхъ районовъ и быстро туда подвозиться. Въ этомъ отношеніи наличность въ Туркестанѣ хотя и неорошаемыхъ, но годныхъ для зерновыхъ посѣвовъ, *богарныхъ* ¹⁾ земель въ предгорьяхъ указываетъ путь и позволяетъ уравнивать многія невыгодныя стороны исключительной культуры хлопка. Въ 1911 году въ Туркестанѣ подъ богарными посѣвами находилось уже около милліона десятинъ. Мѣстность между Ташкентомъ и Чимкентомъ, 5—6 лѣтъ тому назадъ почти пустыня, въ настоящее время въ значительной части распахана подъ богарную пшеницу. Очевидно, именно въ этомъ направленіи и должно развиваться туземное хозяйство. Изъ районовъ низменныхъ орошенныхъ земель пшеница и другіе хлѣба должны уходить въ горы, на богару, уступая свое мѣсто хлопку, — что и наблюдается въ Ферганѣ. Только озимая пшеница, для полива которой берется вода въ то время года, когда она не нужна для полива хлопка, можетъ сохраниться въ извѣстномъ количествѣ и на орошенныхъ земляхъ, въ предѣлахъ правильного сѣвооборота. Должно также найти мѣсто и люцернѣ, второму по значенію здѣсь сельско-хозяйственному растенію. Львиная доля въ туркестанскихъ поляхъ по праву должна принадлежать хлопку.

Переводить зерновые посѣвы постепенно на земли неорошаемыя, которыхъ много и стоимость обработки которыхъ вдвое ниже, чѣмъ земель орошаемыхъ, такова очередная задача сельско-хозяйственной культуры въ краѣ. Дѣлу этому должны помочь и мѣстныя сельскохозяйственныя учрежденія. Выработать наиболѣе выгодные и надежныя приемы сухого земледѣлія въ Туркестанѣ, подобрать подходящія сѣмена, — въ частности расширить пробныя посѣвы въ предгорьяхъ желтой люцерны, — защитить богарныя поля отъ нашествій саранчи, особенно часто нападающей на предгорья, такова цѣлая область задачъ сельско-хозяйственного дѣла въ краѣ, пока еще мало затронутая.

б) Желѣзная дорога Арысь—Вѣрный.

Но важнѣйшимъ, болѣе вѣрнымъ и скорымъ способомъ обезпечить Туркестану дешевый хлѣбъ, какъ объ этомъ говорятъ на мѣстѣ всѣ, является, конечно, проведеніе давно ожидаемой населеніемъ желѣзной дороги Арысь—Вѣрный, соединяющей коренной Туркестанъ съ Семирѣчьемъ. Семирѣчье и прилегающіе къ нему уѣзды Сыръ-Дарьинской области, весь сѣ-

¹⁾ Такъ называются посѣвы на неполивныхъ земляхъ, въ расчетѣ на дожди, производимые въ предгорьяхъ и въ болѣе сѣверныхъ частяхъ Туркестана.

веро-восточный уголь Туркестана, съ его богатѣйшими пастбищами и пашнями—естественный районъ зерновыхъ хлѣбовъ и скотоводства; отсюда и должны идти въ юго-западный, хлопковый районъ, хлѣбъ и мясо. Для того, чтобы оцѣнить плодородіе Семирѣченскихъ почвъ, достаточно указать, что по даннымъ за десятилѣтіе 1895—1904 гг. урожайность ихъ значительно превышала урожайность, напрямѣръ, прославленнаго Кубанскаго чернозема.

Каждый годъ промедленія въ постройкѣ этой дороги—потеря для государства. Комиссія о новыхъ желѣзныхъ дорогахъ опредѣлила хлѣбные излишки въ районѣ будущей Семирѣченской дороги въ 28 милліоновъ пудовъ. Привозъ оттуда хотя бы 20—22 милліоновъ пудовъ хлѣба въ коренной Туркестанъ дастъ возможность обратить подъ хлопокъ до 400 тысячъ десятинъ. При томъ цѣны на пшеницу въ Семирѣчьи вдвое дешевле цѣны хлопкового Туркестанскаго района. Здѣсь среднія цѣны держатся на уровнѣ 60 копѣекъ; учитывая стоимость перевозки и торговые расходы, можно предположить, что Семирѣченскій хлѣбъ придетъ на мѣсто потребленія въ коренной Туркестанъ по цѣнѣ 80—90 копѣекъ, что значительно ниже мѣстныхъ цѣнъ. При такихъ условіяхъ ввозъ Семирѣченскаго хлѣба надолго обезпечитъ южной полосѣ Туркестана возможность заняться собственными ей цѣнными культурами, не заботясь о продовольствіи.

Разрѣшеніе одной этой задачи придаетъ дорогѣ Арысь—Вѣрный громадное значеніе въ нашемъ народномъ хозяйствѣ, и въ этомъ отношеніи нельзя не пожелать, чтобы былъ сокращенъ срокъ постройки этой дороги, раздѣленный теперь на двѣ очереди (Арысь—Пишпекъ и Пишпекъ—Вѣрный), при чемъ только для первой части постройки установленъ 5-лѣтній срокъ. Съ такимъ медленнымъ темпомъ этого важнѣйшаго дѣла трудно примириться.

Съ окончаніемъ Семирѣченской дороги встанетъ на очередь вопросъ о постройкѣ другой, еще болѣе важной, *Туркестано-Сибирской* магистрали: Вѣрный—Семипалатинскъ—Алтай. Только эта линія, связавъ хлопководный районъ Туркестана съ изобилующей хлѣбомъ южной Сибирью, окончательно и прочно обезпечитъ его навсегда дешевымъ продовольствіемъ, освободивъ отъ производства дешевыхъ хлѣбовъ дорогія и какъ бы природо-предназначенныя для хлопка земли.

Временно приходится и придется еще долго снабжать Туркестанъ хлѣбомъ попрежнему изъ Оренбурго-Самарскаго района. Ввозъ въ Туркестанъ пшеницы по Оренбургъ-Ташкентской дорогѣ составляетъ ежегодно 10—15 милліоновъ пудовъ, а иногда и болѣе: въ 1910 году 18 милліо-

в) Пониженіе тарифа на оренбургскій хлѣбъ.

новъ пудовъ. Но при существующемъ тарифѣ (30 копѣекъ на пудъ за провозъ отъ Оренбурга до Андижана— $\frac{1}{75}$ коп. съ версты)—этотъ хлѣбъ приходитъ въ край все еще слишкомъ дорогимъ для того, чтобы вытѣснить мѣстные посѣвы. Конечно, пониженіе тарифа съ $\frac{1}{75}$ копѣйки до $\frac{1}{100}$ копѣйки съ версты дало бы возможность удешевить этотъ хлѣбъ еще копѣекъ на 7 съ пуда. Мѣра эта, однако, связана съ уменьшеніемъ выручки Оренбургъ-Ташкентской дороги болѣе чѣмъ на миллионъ рублей. При льготности такого тарифа, дорога была бы лишь отчасти вознаграждена увеличеніемъ количества хлѣбныхъ грузовъ. Поэтому всѣ *мѣстныя* сообщенія этого рода представляются обоюдоострыми и требуютъ подробнаго обсужденія съ общей точки зрѣнія. Мѣра эта во всякомъ случаѣ могла бы считаться только временною. Въ будущемъ, хлѣбные избытки Европейской Россіи, естественно тяготящіе на Западъ, не будутъ, конечно, въ состояніи соперничать по своей дешевизнѣ въ Туркестанѣ съ Семирѣчскимъ и Алтайскимъ хлѣбомъ. Главной хлѣбной житницей Туркестана должно быть Семирѣчье и богарныя земли самого края.

г) Мѣстные
пути сообще-
нія:

Мѣстные люди справедливо придаютъ, затѣмъ, большое значеніе не только наличности дешеваго хлѣба въ Туркестанѣ, но и перевозкѣ его внутри края въ отдѣльныя хлопковыя хозяйства, для чего потребуется значительное улучшеніе мѣстныхъ путей сообщенія, находящихся въ самомъ первобытномъ состояніи. Улучшеніе дорогъ также необходимо и для подвоза къ рельсовымъ путямъ хлопка. Оно сократило бы накладной расходъ производителей. Все это бесспорно: но улучшеніе внутреннихъ дорогъ края столь богатого должно быть задачей мѣстной; оно должно и можетъ быть достигнуто мѣстными, земскими средствами. Задача *государства*—доставить хлѣбъ въ Туркестанъ, въ хлопковые районы, а не каждому отдѣльному хлопководу-хозяину.

Недостатокъ
рабочихъ
рукъ.

Расширеніе посѣвовъ хлопка на земляхъ уже орошенныхъ задерживается не одною дороговизною продовольствія. Существенной помѣхой является также недостатокъ рабочихъ рукъ. Цѣны на рабочихъ въ послѣднее десятилѣтіе выросли на 150—200%; теперь средняя цѣна рабочему колеблется по различнымъ областямъ края около 1 рубля 50 копѣекъ и доходитъ даже до 2 рублей 50 копѣекъ въ день и дороже. Вслѣдствіе этого стоимость обработки одной десятины хлопка достигаетъ теперь въ среднемъ почти полутора рубля, а мѣстами—въ Ферганѣ двухсотъ рублей, и въ Ташкентскомъ уѣздѣ даже 250 рублей. Расширеніе хлопковыхъ посѣвовъ можетъ идти въ будущемъ только при условіи прилива въ край новаго рабочаго населенія или же путемъ замѣны ручного труда машинами.

Для тѣхъ земель, которыя будутъ вновь орошены въ краѣ, вопросъ о рабочихъ разрѣшается ясно: русское переселеніе на эти земли дастъ краю и новыя рабочія руки. Сложнѣе вопросъ о расширеніи хлопковыхъ плантацій на земляхъ уже орошенныхъ, находящихся во владѣніи сартовъ. Не слѣдуетъ-ли особыми мѣрами организовать притокъ сюда русскихъ рабочихъ? При этомъ обыкновенно предполагается, что изъ такихъ пришлыхъ рабочихъ, временно какъ бы отдавъ ихъ на выучку сартамъ, можно выработать въслѣдствіе надежныхъ засельщиковъ для новыхъ орошенныхъ земель, пригодныхъ для хлопководства, такъ называемыхъ „ватныхъ земель“. Мысль эта можетъ быть принята, однако, лишь съ большими ограниченіями. Распространить въ русской крестьянской средѣ, ищущей отхожихъ заработковъ, свѣдѣнія о Туркестанскихъ цѣнахъ на рабочія руки, конечно, возможно; въ особенности слѣдуетъ это сдѣлать въ юго-западной полосѣ Россіи, знакомой съ культурой свеклы, во многомъ сходной съ воздѣлываніемъ хлопчатника. Но сколько-нибудь широкая правительственная постановка этого дѣла неосуществима. Врать на себя вызовъ и доставку изъ Европейской Россіи рабочихъ въ частныя туземныя хозяйства, притомъ рабочихъ непривычныхъ ни къ климату, ни къ культурѣ хлопка,—слишкомъ рискованно. Самое положеніе русскаго человѣка, какъ баграка въ хозяйствѣ покореннаго имъ сарта, плохо вяжется съ достоинствомъ русскаго имени, не произведетъ хорошаго моральнаго впечатлѣнія на азіатской окраинѣ и во всякомъ случаѣ не можетъ быть возведено въ правило самимъ государствомъ.

Еще менѣе приемлемъ, однако, другой, предлагаемый иногда на мѣстахъ, выходъ: вызвать дешевыхъ рабочихъ изъ Кашгаріи и Афганистана.

Такіе рабочіе—въ числѣ нѣсколькихъ десятковъ тысячъ человѣкъ, преимущественно китайцевъ и отчасти афганцевъ (въ Закаспійской области)—появляются уже на Туркестанскомъ рабочемъ рынкѣ и уносятъ съ собою ежегодно не мало русскихъ денегъ. Но въ послѣдніе годы движенію кашгарскихъ рабочихъ поставлена преграда въ видѣ увеличеннаго паспортнаго сбора, и снимать эту преграду не слѣдуетъ. На другой нашей окраинѣ—въ Приамурѣ—Россія имѣла уже случай испытать, къ чему приводитъ китайская дешевизна: китайцы уносятъ съ собою за границу почти весь заработокъ и постепенно отнимаютъ у русскихъ людей рабочій рынокъ. Повторить ту же ошибку въ Туркестанѣ, хотя бы и въ меньшихъ размѣрахъ, было бы непростительно.

Недостатокъ рабочихъ рукъ въ районахъ уже орошенныхъ, отчасти

покрываемый приростом населения и наблюдаемым теперь в Фергане увеличением числа безземельных, составляющих местами 25 и даже 30% населения, в будущем может быть ослаблен только переходом к лучшим способам обработки полей. Применение специальных орудий и конной тяги, как доказал опыт местных сельско-хозяйственных учреждений, дает громадную экономию рабочей силы. Вспашка плугом, посев рядовой сѣянкой, конная обработка междурядий сокращают, по данным опытного поля в Голодной Степи, стоимость работы на 30—50%. Поэтому вездѣ, гдѣ рельеф полей не слишком гористъ и плантации не слишком мелки, такъ что допускаютъ замѣну ручного труда машиннымъ, необходимо всячески распространять машинную обработку. Впрочемъ, выгоды ея очевидны, и местами въковая привычка сартовъ къ ручной обработкѣ начинаетъ уступать давлению новыхъ условий.

Мелкій
кредитъ.

Указываютъ, наконецъ, и притомъ какъ на самое главное и цѣлесообразное средство облегчить хлопководамъ расширение ихъ плантаций — на необходимость увеличить оборотныя средства населения. Хлопокъ — культура дорогая и сложная. На десятину посева хлопчатника рядовой хозяинъ долженъ затратить, если онъ участвуетъ въ работахъ самъ со своей семьей, отъ 70 до 80 рублей и, въ среднемъ, полтора ста рублей, если самъ онъ въ работахъ не принимаетъ участія. Когда обработка производится издольщиками, хозяину приходится ихъ кормить отъ начала работъ до уборки урожая, что обходится свыше 70 рублей на десятину посева.

Такого оборотнаго капитала сартъ-хлопководъ обычно не имѣетъ; ему приходится прибѣгать къ кредиту, доставать деньги подъ векселя и „насихи“ (туземныя закладныя).

Ежегодно въ началѣ весны московскими банками, крупными и мелкими хлопковыми фирмами, уѣздными кассами, кредитными товариществами, а главнымъ образомъ, мелкими ростовщиками изъ богатыхъ сартовъ — „баями“ раздаются рядовымъ хозяевамъ десятки миллионныхъ рублей подъ хлопокъ.

По устарѣвшимъ даннымъ 1903 года, у народныхъ судей заключено было за годъ 129 тысячъ кредитныхъ сдѣлокъ между туземцами на сумму около 13 миллионныхъ рублей, а теперь оборотъ гораздо больше.

По расчету 80 рублей ссуды на каждую пазъ 400 тысячъ десятинъ хлопкового посева — потребность въ кредитѣ выражается ежегодно суммою не менѣе 32 миллионныхъ. Процентъ роста, умѣренный у крупныхъ фирмъ (8—9%), по мѣрѣ приближенія къ населенію черезъ рядъ посредниковъ все возрастаетъ и доходитъ до 40, 60, а нерѣдко и болѣе. Въ краѣ до

сихъ поръ еще держатся разнообразныя бытовыя формы сельскаго ростовщическаго кредита, занесенныя въ прежнее время ростовщиками-индусами, и общая тягость частнаго сельско-хозяйственнаго кредита несомнѣнна. Последній сѣздъ местныхъ дѣятелей по сельскому хозяйству Туркестана, бывшій въ 1911 году, призналъ, что среднимъ процентомъ сельскаго кредита само местное население считаетъ 5 рублей на 100 въ мѣсяцъ, т.-е. 60% годовыхъ. Поэтому даже въ удачныя годы, когда валовой доходъ хозяйства оказывается послѣ снятія урожая громаднымъ, хлопководу, за уплатой расходовъ и процентовъ кредиторамъ, часто не остается почти ничего, кромѣ возможности весной снова занять подъ хлопокъ крупную сумму. А въ неудачный годъ (дули засушливыя вѣтры, не хватило воды, нагрянула саранча, упали цѣны) хлопководъ обращается въ неоплатнаго должника. При повторномъ неурожаѣ онъ теряетъ за долги право собственности на свою землю и остается сидѣть на ней уже какъ бы наемнымъ рабочимъ у бая.

Вслѣдствіе этого, наблюденія местныхъ людей и статистическія observations показываютъ, что иногда тамъ, гдѣ живутъ еще зерновыми посевами, не зная хлопка и связанныхъ съ нимъ соблазновъ крупной наживы, население въ массѣ своей не бѣдитъ. Мало того, извѣстны даже случаи вынужденнаго отказа отдельныхъ хозяевъ отъ посева хлопчатника и возвращенія ихъ къ пшеницѣ, посевъ которой требуетъ меньшихъ затратъ.

Такое положеніе, конечно, совершенно ненормально: доходность хлопка несравнима съ доходностью всякой иной полевой культуры. По подсчетамъ местныхъ агрономовъ, средній чистый доходъ въ краѣ съ десятины риса, за вычетомъ стоимости труда, равенъ 48 рублямъ, кукурузы — 36 рублямъ, богарной пшеницы — 21 рублю, поливной — 41 рублю, люцерны — 80 рублямъ, а хлопка — отъ 100 до 200 рублей.

Если сѣять хлопокъ здѣсь, въ царствѣ хлопка, оказывается почему-либо невыгоднымъ, то причина этого кроется исключительно въ особомъ, неправильно сложившихся здѣсь условіяхъ, къ наличію которыхъ государственная власть едва-ли можетъ относиться безучастно. Наложениемъ ввозной пошлины на американскій хлопокъ государство обезпечило выгодность воздѣлыванія хлопчатника. Но до сихъ поръ имъ не сдѣлано еще другого дѣла, не менѣе важнаго въ этой области: не организовано необходимаго кредита хлопководамъ.

Культура хлопка требуетъ такихъ расходовъ, которые непосильны мелкимъ хозяйствамъ, даже сравнительно состоятельнымъ. Въ то же время

она—не дѣло крупныхъ хозяйствъ, въ виду того, что хлопокъ требуетъ слишкомъ бережной и внимательной обработки, которой наемный рабочий дать почти не можетъ. Хлопковая плантація лучше всего поэтому ведется хозяйствомъ мелкимъ, трудовымъ, но при томъ въ извѣстной мѣрѣ денежнымъ—иначе говоря, требующимъ кредита.

Не взявъ въ свои руки организациі мелкаго кредита Туркестанскому хлопководству, государство тѣмъ самымъ открыло просторъ для эксплуатаціи создававшегося положенія мѣстными денежными людьми. Всѣ выгоды хлопковой культуры достаются имъ.

Но создавать на средства казны, путемъ отказа отъ собственной выгодной кредитной операціи и предоставленія казенныхъ денегъ въ руки посредниковъ, особый классъ инородцевъ-капиталистовъ, которые сегодня ворочаютъ большими деньгами, а завтра захватятъ въ руки и землю, едва ли въ видахъ русской государственной власти. Дальнѣйшее промедленіе въ организациі кредита поэтому недопустимо не по однимъ только соображеніямъ пользы и нужды хлопководства; на интересахъ хлопководовъ оно только сказывается прежде всего. Какъ многіе рѣчки и ручьи Туркестана не доходятъ до главныхъ рѣкъ, куда они должны были бы впадать, а по пути разбираются арыками на поля, совершенно также и исключительные по размѣру своему доходы отъ хлопка часто не попадаютъ въ руки земледѣльца, а безъ остатка расходятся по карманамъ посредниковъ-кредиторовъ.

Теряетъ при этомъ, конечно, и казна. Государственный Банкъ оказываетъ кредитъ частнымъ банкамъ и хлопковымъ фирмамъ изъ 5¹/₂%; тѣ отъ себя раздаютъ задатки посредникамъ уже изъ 8—9%, а, въ концѣ концовъ, хлопководу кредитъ обходится въ 40 и въ 60%. При такихъ условіяхъ послѣднему оплата кредита даже изъ 12% показалась бы благодареніемъ, и, устранивъ длинную цѣпь посредниковъ, Государственный Банкъ могъ бы организовать мелкій кредитъ не только безубыточно, но и съ большою выгодною для казны. Въ этомъ направленіи въ краѣ сдѣлано пока еще очень мало.

Въ распоряженіи уѣздныхъ начальниковъ имѣются такъ называемыя уѣздныя ссудныя кассы. Средства ихъ образовались путемъ ежегодныхъ добровольныхъ взносовъ нынѣшнихъ ихъ участниковъ. Но средства эти ничтожны. На 1 Января 1910 года всѣ уѣздныя кассы Туркестана располагали немногимъ болѣе милліона рублей, въ среднемъ по 100—150 тысячъ рублей на уѣздъ. Въ томъ числѣ въ центрахъ хлопководства—въ Ферганѣ—имѣлось: въ Андижанской кассѣ 156 тысячъ рублей, Наман-

ганской—121 тысяча рублей и въ Кокандѣ, гдѣ работаетъ 10 крупныхъ банковъ съ годовыми оборотами, по мемориаламъ, свыше 800 милліоновъ рублей,—въ уѣздной кассѣ значилось въ 1910 году только 15.089 рублей 26 копѣекъ.

Между тѣмъ, потребность въ кредитѣ (80 рублей на каждую изъ 400 тысячъ десятинъ хлопковаго посѣва) равняется 32 милліонамъ рублей. Капиталы ссудныхъ кассъ могутъ удовлетворить едва 3% этой потребности, не говоря уже о томъ, что кассы находятся въ уѣздныхъ городахъ, далеки отъ сельскаго населенія и полученіе изъ нихъ денегъ связано съ различными формальностями, также удорожающими кредитъ.

Въ самое послѣднее время Государственнымъ Банкомъ положено начало сѣти мелкихъ кредитныхъ товариществъ; но дѣло это только начинается развиваться. Еще къ 1 Января 1910 года во всемъ краѣ насчитывалось только 10 кредитныхъ товариществъ и ссудъ ими было выдано на 32 тысячи рублей. Въ настоящее время въ Сыръ-Дарьинской области дѣйствуетъ уже 76 товариществъ и при ихъ посредствѣ роздано въ ссуды свыше милліона рублей, при чемъ средній размѣръ ссуды на хозяйство составляетъ въ хлопковомъ районѣ 150—300 рублей. (Триста рублей—предѣльный размѣръ ссуды, по уставу кредитныхъ товариществъ, и для хлопковыхъ районовъ норму эту безусловно слѣдовало бы повысить).

Но въ другихъ мѣстностяхъ, гдѣ сельское ростовщичество пустило болѣе глубокіе корни, напр., въ Ферганѣ, кредитныя товарищества идутъ слабѣе. Число ихъ очень невелико—28 и обороты ограничены 100—150 тысячами рублей на уѣздъ. Нерѣдко и эти товарищества попадаютъ въ руки все тѣхъ же „баевъ“.

Въ общемъ, однако, несомнѣнно, что при личной кредитоспособности сартовъ, при доходности хлопковой культуры и непомѣрно высокомъ процентѣ частнаго кредита, правительственная организациі мелкихъ кредитныхъ товариществъ имѣетъ всѣ данныя для широкаго развитія. Государственный Банкъ денегъ своихъ не потеряетъ, а хлопководы сэкономятъ рублей по 50 на каждой десятинѣ посѣва. Достаточно, можетъ быть, обезпечить приливъ достаточныхъ средствъ хотя бы въ мѣстныя кредитныя товарищества. И въ этомъ случаѣ ростовщики вынуждены будутъ считаться съ ними, какъ съ реальной силой, и, надо думать, значительно подешевѣетъ частный кредитъ.

Какъ именно слѣдуетъ организовать это дѣло—вопросъ, выходящій изъ предѣловъ вѣдѣній Главнаго Управленія Землеустройства. Желательно, конечно, привлечь побольше мѣстныхъ средствъ, устраивая по возможности

судо-сберегательныя товарищества; но и поддержка товариществ ассигнованіями Государственного Банка въ основной капиталъ и для оборота, изъ умѣренного процента, имѣла бы полное оправданіе. Деньги для этого должны найтись: въ однѣхъ только сберегательныхъ кассахъ Туркестанскаго края находится по официальнымъ даннымъ до 15 милліоновъ рублей сбереженій мѣстнаго (хотя преимущественно и городского) населенія. На первое время достаточно было бы обращенія хотя бы такой суммы на организацію мелкаго кредита подъ хлопокъ.

Для ближайшаго руководства кредитными товариществами и постепеннаго объединенія ихъ въ болѣе крупныя союзы придется, прежде всего, увеличить число инспекторовъ мелкаго кредита. Но къ посредничеству въ этомъ дѣлѣ слѣдовало бы привлечь и всѣ вообще мѣстныя учрежденія, близкія къ туземному населенію. Въ частности, по примѣру переселенческихъ селско-хозяйственныхъ складовъ Сибири, — принявшихъ на себя минувшей зимой посредничество по выдачѣ Государственнымъ Банкомъ краткосрочныхъ ссудъ сибирскимъ маслосѣяльцамъ и успѣшно выполнившимъ эту операцію, въ общемъ на сумму около 5 милліоновъ рублей, — не мѣшало бы привлечь къ выдачѣ ссудъ хлопководамъ Туркестана и мѣстныхъ агрономовъ, заведующихъ опытными полями и селско-хозяйственными складами, а также разъѣздныхъ инструкторовъ по селскому хозяйству, — словомъ весь наличный агрономическій персоналъ края (въ этомъ году доведенный уже до 35 человекъ). Агрономъ не долженъ и не можетъ спокойно сидѣть за „дуваломъ“ (земляною оградой) своей станціи или склада, когда, за этой оградой, въ краѣ начинается дѣятельная работа по самому жизненному для хлопководства вопросу — о селскомъ кредитѣ. Онъ долженъ принять живое участіе въ этой работѣ: привлекать участниковъ въ судо-сберегательныя и кредитныя товарищества, слѣдить за расходо-ваніемъ розданныхъ денегъ, связать съ кредитомъ, насколько можно, и свое прямое дѣло — хозяйственнаго совѣта и указанія, пользуясь всякимъ случаемъ стать дѣйствительно близко къ хозяину.

Потребность въ кредитѣ, острая уже въ настоящее время, должна еще усилиться съ дальнѣйшимъ развитіемъ посѣвовъ хлопчатника за счетъ зерновыхъ хлѣбновъ. Засѣять десятину поля хлопкомъ вмѣсто пшеницы — для этого надо имѣть 40—50 рублей лишнихъ; эти дополнительные оборотныя средства можетъ дать населенію только кредитъ. Если не увеличить его источниковъ, то усиленіе спроса на частный кредитъ неминуемо приведетъ къ еще болѣе тяжелымъ его условіямъ. Поэтому дешевый

иелкій кредитъ долженъ быть непремѣннымъ спутникомъ всякаго расширенія хлопковаго дѣла въ Туркестанѣ.

Итакъ, привозной дешевый хлѣбъ, машинная обработка хлопковыхъ полей, сокращающая число нужныхъ рабочихъ рукъ, и мелкій кредитъ — вотъ главнѣйшія условія расширенія посѣвовъ хлопка въ Туркестанѣ на теперешней культурной площади, безъ орошенія новыхъ земель, до естественныхъ предѣловъ, указываемыхъ трехпольнымъ сѣвооборотомъ.

Что же можетъ дать это расширеніе? Въ настоящее время подъ хлопкомъ находится не третья, а всего только шестая часть орошенной площади (16,8%). На первый взглядъ — и многіе дѣлаютъ такой выводъ — возможно, безъ затратъ на новое орошеніе, надѣяться удвоить хлопковые посѣвы Туркестана, а слѣдовательно увеличить вдвое и сборъ хлопка. Если и теперь Туркестанъ даетъ намъ половину требуемаго количества хлопка, то въ будущемъ, слѣдовательно, онъ могъ бы безъ новаго орошенія дать все нужное.

Къ сожалѣнію, однако, такой расчетъ не менѣе обманчивъ, чѣмъ и противоположная мысль: о полной невозможности расширять хлопководство Туркестана безъ новыхъ оросительныхъ работъ.

Предѣлы сбора хлопка съ существующихъ орошенныхъ земель ограничены. Въ главныхъ хлопковыхъ центрахъ — и въ Ферганской и въ Закаспійской области — орошенные земли использованы подъ хлопокъ уже почти полностью; 50—60 тысячъ десятинъ, больше освободить изъ-подъ хлѣба едва ли удастся въ обѣихъ названныхъ областяхъ. Остаются области Сыръ-Дарьинская и Самаркандская; но первая изъ нихъ является уже сѣверной окраиной хлопководства, а вторая расположена хотя и южнѣе, но сравнительно высоко надъ уровнемъ моря. Поэтому, во многихъ мѣстностяхъ созрѣваніе хлопка будетъ затруднено, по крайней мѣрѣ, до тѣхъ поръ, пока не удастся установить наиболѣе подходящіе скороспѣлые сорта хлопчатника.

Всей орошенной земли въ двухъ названныхъ областяхъ свыше 1.200.000 десятинъ; теоретически, подъ хлопокъ можно отвести одну треть этой площади или 400 тысячъ десятинъ. Но если принять въ расчетъ, что въ настоящее время подъ хлопкомъ въ обѣихъ этихъ областяхъ всего только 50 тысячъ десятинъ, то и доведеніе здѣсь площади хлопковыхъ посѣвовъ въ ближайшіе годы хотя бы до 200 тысячъ десятинъ составитъ уже увеличеніе посѣвовъ вчетверо; на большее, по климатическимъ условіямъ, рассчитывать трудно.

Такимъ образомъ, во всѣхъ четырехъ областяхъ коренного Турке-

стана указанный выше мѣры къ развитію хлопководства, безъ орошенія новыхъ площадей, могутъ на первое время прибавить къ существующимъ въ краѣ 400 тысячамъ десятинъ хлопкового посѣва еще приблизительно около 200 тысячъ десятинъ (+ 50 тыс. дес. въ Ферганской и Закаспійской областяхъ и + 150 тыс. дес. въ двухъ другихъ), т.-е. примѣрно дать 4—5 миллионъ лишнихъ пудовъ чистаго волокна ежегодно.

Указываютъ еще на возможность увеличить сборъ хлопка съ прежней орошенной площади путемъ улучшенія техники хозяйства и повышенія урожайности, иначе говоря, возлагаются большія, часто преувеличенныя надежды на агрономическія учрежденія края. Но и къ этимъ расчетамъ въ противоположность всему, что говорилось и говорится по этому поводу, я склоненъ отнестись если не отрицательно, то во всякомъ случаѣ сдержанно.

Урожайность туземныхъ плантацій и теперь сравнительно высока. Въ Америкѣ урожай въ 14—18 пудовъ волокна, или въ 50—60 пудовъ хлопка-сырца, считается среднимъ. Въ Туркестанѣ при такихъ урожаяхъ бросили бы заниматься хлопкомъ. Здѣсь только въ сѣверо-восточной окраинѣ хлопкового района, напр., въ Ташкентскомъ уѣздѣ, мирятся съ урожаями въ 60—70 пудовъ сырца; въ Ферганской долинѣ среднимъ считается урожай въ 100 пудовъ съ десятины, бываютъ урожаи въ 200 пудовъ, а на лучшихъ плантаціяхъ Закаспійской области извѣстны урожаи и свыше 200 пудовъ хлопка-сырца съ десятины. По всему краю, средній урожай можетъ быть принятъ, на кругъ, во всякомъ случаѣ, не ниже 80 пудовъ сырца или 20—22 пудовъ волокна съ десятины. Техника обработки плантацій также весьма высока у сартовъ; это—огородная, китайскаго типа культура, съ затратой на небольшомъ клочкѣ земли громаднаго количества ручной мускульной силы. При томъ, что особенно важно, сарты не признаютъ требованій правильнаго, рассчитаннаго на рядъ лѣтъ, сѣвооборота; они сѣютъ сплошь и рядомъ хлопокъ по хлопку. Благодаря этому, въ Ферганѣ во многихъ мѣстностяхъ подъ хлопокъ обращено 50, 70 и даже 90% поливной площади. Отсутствие плодосмѣны восполняется громаднымъ количествомъ вывозимаго на поля удобренія, на которое сарты не жалѣютъ денегъ, скупая навозъ, прибѣгая къ искусственнымъ тукамъ, разрушая свои же земляныя ограды—дувалы, чтобы только удобрить хлопковые плантаціи свѣжей землей и т. д. Возможно, что этотъ способъ хозяйства, дающій пока неизмѣнно прочные урожаи по 80—100 пудовъ хлопка съ десятины, правиленъ; возможно и то, что когда-нибудь онъ разобьется о недостатокъ удобренія. Но замѣна этого способа хозяйства

другимъ, теоретически болѣе правильнымъ, съ введеніемъ въ сѣвооборотъ цѣлаго ряда другихъ растений, кромѣ хлопчатника, неминуемо привела бы не къ увеличенію, а къ уменьшенію площади подъ хлопкомъ, а слѣдовательно, и къ уменьшенію ежегоднаго сбора.

Разумѣется, не всѣ агрономическія нововведенія сулятъ такой отрицательный результатъ. Весьма вѣроятно, что, напримѣръ, лучший подборъ сѣмянъ далъ бы замѣтное повышеніе урожайности на туземныхъ плантаціяхъ. По утвержденію мѣстныхъ агрономовъ, хорошія посѣвныя сѣмена могутъ увеличить, при прочихъ равныхъ условіяхъ, урожай на 10—15 пудовъ сырца съ десятины: на всю площадь хлопковыхъ посѣвовъ въ Туркестанѣ это уже сулитъ прибавку урожая въ 4—6 миллионъ пудовъ сырца или примѣрно до полутора миллионъ пудовъ чистаго волокна.

Но всѣ эти расчеты слишкомъ гадательны, чтобы на нихъ строить предположенія о широкомъ количественномъ развитіи сбора хлопка—дѣлъ столь для насъ важнымъ и насущнымъ.

Правильнѣе, по моему мнѣнію, смотрѣть на агрономическую помощь какъ на путь лишь къ улучшенію качества туркестанскаго хлопка и къ поддержанію прочности хлопководства, а кромѣ того къ удешевленію хлопкового хозяйства и къ перенесенію его въ новые, болѣе сѣверные, районы. Что же касается быстрого количественнаго увеличенія сбора хлопка съ существующей орошенной площади, то въ этомъ отношеніи лучше разсчитывать не на агрономію.

Задачи послѣдней въ Туркестанѣ и безъ того громады. Самое появленіе американскаго хлопчатника въ Туркестанѣ—дѣло русской власти, Генераль-Губернаторовъ Кауфмана, Розенбаха и другихъ. Только ихъ настойчивости и многолѣтней, руководимой ими, работѣ опытныхъ сельскохозяйственныхъ учрежденій край обязанъ своимъ нынѣшнимъ расцвѣтомъ и обильнымъ приливомъ сюда золота въ обмѣнъ за хлопокъ. Было время, когда и это начинаніе Правительства возбуждало на мѣстѣ сомнѣніе. Плохіе туземные сорта хлопка, шедшіе, главнымъ образомъ, на подбивку ватой одѣялъ и халатовъ, туго замѣнялись американскими разновидностями хлопчатника. Мѣстами, напр., въ Асхабадскомъ уѣздѣ еще въ 1892 году, мѣстное населеніе сѣяло американскій хлопчатникъ только „для отвода глазъ“ администраціи, въ угоду начальству... А теперь судьба всего края неразрывно связана съ судьбой хлопка, и 90% всѣхъ хлопковыхъ плантацій туземцевъ находится уже подъ американскимъ хлопчатникомъ (типа „Упландъ“).

Такъ какъ громадный хлопковый районъ Туркестана включаетъ въ себя полосы, соответствующія по обилію тепла и продолжительности растительнаго періода какъ сѣвернымъ, такъ и среднимъ и даже южнымъ хлопководнымъ штатамъ Америки (Закаспійская область), то одинъ какой-либо сортъ не можетъ быть равно пригоднымъ для всѣхъ этихъ мѣстностей. Теперь на опытныхъ поляхъ края испытывается болѣе 40 разновидностей хлопчатника. Особенное значеніе для Туркестана имѣетъ выборъ скороспѣлыхъ сортовъ, которые дали бы возможность хлопковымъ плантаціямъ довольствоваться меньшимъ количествомъ тепла и продвинуться дальше на сѣверъ. Въ этомъ отношеніи многое уже выяснено; особенныя надежды связываются съ сортомъ King, давшимъ, кстати сказать, отличные результаты и на Мугани, въ Закавказьѣ.

Высшіе сорта хлопка, требующіе большаго тепла, также могутъ найти себѣ мѣсто въ Туркестанѣ, особенно въ Закаспійской области. Только такъ называемые приморскіе и египетскіе сорта, съ наиболѣе длиннымъ и шелковистымъ волокномъ, не могутъ разводиться въ Туркестанѣ: здѣсь слишкомъ континентальный, сухой климатъ. Но многое можетъ быть сдѣлано и здѣсь для улучшенія качества волокна, его длины, равномерности, крѣпости.

Вывозъ
жмыховъ.

Въ этомъ отношеніи хлопок—удивительное по своей гибкости и податливости растеніе. Уступая настойчивымъ усиліямъ челоѣка, онъ сталъ уже менѣе требовательнымъ къ теплу, приспособился къ тому, чтобы давать людямъ какъ можно больше своего волокна, представляющаго для него самого, въ сущности, ничтожный, второстепенный придатокъ, простую оболочку сѣмянъ. Поэтому работы надъ хлопкомъ, работы благодарной и увлекательной, для Туркестанскихъ опытныхъ полей и станцій—еще непочатый край.

Кромѣ подбора сѣмянъ, мѣстныя опытныя учрежденія должны выяснить наименьшія нормы полива (теперь много воды тратится нерасчетливо и не во-время), приемы борьбы съ солонцами, лучшій сѣвооборотъ, лучшій способъ удобрения.

На послѣднемъ вопросѣ нельзя не остановиться; онъ имѣетъ большое значеніе, при мелкости туземныхъ хозяйствъ и остромъ недостаткѣ скота и удобренія въ хлопковыхъ районахъ Туркестана.

Въ этомъ отношеніи хлопокъ какъ бы самъ приходитъ себѣ на помощь: хлопковый жмыхъ съ маслянистыхъ заводовъ, скармливаемый скоту или непосредственно обрабатываемый на удобреніе, даетъ отличные результаты: почти всѣ питательныя вещества, унесенныя изъ почвы хлоп-

чатникомъ, въ жмыхѣ ей возвращаются. На дѣлѣ, однако, оказывается, что почти всѣ жмыхи, а съ ними весь фосфоръ и азотъ, извлеченные съ полей Ферганы, вывозятся изъ края въ Германію, обогащая чужія поля. За границу жмыхъ отпускается по 35—40 копѣекъ за пудъ въ Кокандѣ, а мѣстнымъ потребителямъ онъ продается по 40—60 копѣекъ. Этотъ вывозъ жмыховъ необходимо остановить. Намъ надо беречь плодородіе своихъ „ватныхъ“ хлопковыхъ земель, а не дѣлиться имъ съ иноземцами. Поэтому вывозной тарифъ на хлопковый жмыхъ необходимо сдѣлать запретительнымъ; тогда жмыхъ пойдетъ въ край повсемѣстно на удобреніе хлопковыхъ плантацій, что замѣчалось до сихъ поръ только въ мѣстностяхъ, отрѣзанныхъ отъ желѣзной дороги.

Крупной заслугой нашихъ опытныхъ учреждений нельзя не признать введеніе машинной обработки хлопковыхъ полей, требующей гораздо меньше рабочихъ рукъ; это въ особенности важно для русскихъ переселенцевъ, не связанныхъ рутинной ручной обработки и получающихъ значительныя надѣлы; но и въ туземномъ Туркестанѣ распространеніе рядовыхъ сѣялокъ должно энергично вестись опытными полями и складами сельскохозяйственныхъ орудій.

Значеніе мѣр
агрономиче-
ской помощи
для края.

Весьма осязательная польза принесена сельско-хозяйственными учрежденіями края въ послѣдніе годы также правильной постановкой борьбы съ саранчей. Два милліона рублей и свыше 14 милліоновъ рабочихъ дней стоила эта борьба за послѣднюю четверть вѣка; но теперь твердо установлены способы борьбы (главнымъ образомъ, опрыскиваніе зеленью, а при извѣстныхъ условіяхъ и сжиганіе),—хотя и противные шаріату, но зато дѣйствительныя, и саранча, отгнѣсенная въ Бухару и далѣе въ Афганистанъ, становится съ каждымъ годомъ менѣе страшной.

Въ итогѣ, значеніе опытнаго дѣла и агрономической помощи въ Туркестанѣ было и остается весьма велико. Не въ примѣръ многимъ агрономическимъ учрежденіямъ другихъ мѣстностей, здѣсь опытные поля и инструкторство сослужили большую и полезную службу; они вошли въ сложную ткань мѣстной хозяйственной жизни, какъ необходимѣйшія клѣточки, срослись съ нею. Поэтому дальнѣйшее развитіе этихъ учреждений, подробно намѣченное мною во время поѣздки, по совѣту съ мѣстными дѣятелями, представляется дѣломъ жизненнаго значенія. Намѣчено расширеніе двухъ опытныхъ полей—Андижанскаго и въ Голодной Степи—въ научно-поставленныя опытныя станціи, устройство семи новыхъ полей и сѣменныхъ плантацій, усиленіе числа агрономовъ и развитіе дѣятельности складовъ сельско-хозяйственныхъ орудій.

Въ осуществленіи мѣръ агрономической помощи хлопководамъ и въ снабженіи Туркестана дешевымъ хлѣбомъ и дешевымъ кредитомъ, государство заинтересовано весьма существенно.

Я рѣшительно высказываюсь только противъ мысли обойтись, при помощи этихъ мѣръ, безъ новыхъ оросительныхъ работъ въ Туркестанѣ. Ни желѣзная дорога, ни кредитъ, ни тѣмъ болѣе агрономія—орошенія новыхъ площадей не замѣняютъ.

Прежде всего мѣры эти также требуютъ и денегъ, и времени, а въ смыслѣ видимыхъ результатовъ онѣ могутъ дать увеличеніе сбора хлопка, безъ орошенія, примѣрно лишь въ полтора раза: на 4—5 миллионѣвъ пудовъ чистаго волокна. Потребность русскихъ фабрикъ этимъ удовлетворена не будетъ: намъ не хватаетъ 12 миллионѣвъ пудовъ, ввозимыхъ теперь изъ Америки, а также изъ Египта и другихъ странъ.

Хлопокъ За-
кавказья, Хи-
вы и Бухары.

Правда, увеличеніе производства хлопка возможно, безъ новаго орошенія, не только въ Туркестанѣ, но и въ Закавказьѣ, а также въ Хивѣ и въ Бухарѣ. Въ Закавказьѣ находится въ хлопковыхъ районахъ подъ хлопчатникомъ всего только отъ 7 до 10% поливныхъ земель; въ Хивѣ и Бухарѣ также приблизительно по 10%. Но по сравненію съ Туркестаномъ всѣ эти мѣстности имѣютъ въ нашемъ хлопковомъ дѣлѣ второстепенное значеніе. Закавказье дастъ теперь въ годъ немногимъ болѣе миллиона пудовъ волокна съ 83 тысячъ десятинъ посѣва; Хива—полмилліона пудовъ съ 31 тысячи десятинъ, Бухара—1½ миллионѣвъ пудовъ волокна съ 98 тысячъ десятинъ (по даннымъ 1911 г.). Въ общей сложности, эти три района даютъ, слѣдовательно, три миллионѣвъ пудовъ волокна. Если это количество даже удвоится, безъ всякихъ затратъ на новое орошеніе, то и эта прибавка трехъ миллионѣвъ пудовъ хлопка все-таки не избавитъ насъ отъ американскаго ввоза.

Нельзя еще забывать одного, весьма существеннаго обстоятельства: если въ настоящее время намъ не хватаетъ 12 миллионѣвъ пудовъ волокна, то къ тому времени, когда будетъ построена Семирѣченская желѣзная дорога и окажутъ все свое вліяніе мѣры агрономической помощи и дешевый кредитъ, потребность нашихъ хлопчатобумажныхъ фабрикъ въ сырьѣ, несомнѣнно, увеличится. За послѣднія 20 лѣтъ переработка хлопка нашей текстильной промышленностью увеличилась втрое: въ 1890 году русскими фабриками было переработано 8 миллионѣвъ пудовъ волокна, въ 1900 году—16 миллионѣвъ пудовъ, а въ 1910 году—свыше 22 миллионѣвъ пудовъ.

Неизбѣжный
ростъ потреб-
ности въ
хлопкѣ въ
будущемъ.

Учитывая неизбежное и въ будущемъ увеличеніе спроса на хлопокъ, нельзя не прийти къ заключенію, что безъ орошенія новыхъ земель намъ всего нужнаго количества хлопка не добыть. Попытки разрѣшить вопросъ различными окольными и упрощенными путями, безъ примѣненія той главной силы, которая прямо, и въ самомъ корнѣ, его разрѣшаетъ, должны быть признаны тщетными.

ГЛАВА II.

О р о ш е н і е.

По развитію сѣти оросительныхъ сооруженій Туркестанъ занимаетъ теперь второе мѣсто на земномъ шарѣ, послѣ Индіи: здѣсь уже 2¼ миллионѣвъ десятинъ искусственно орошенной земли, а съ Семирѣчьемъ три миллионѣвъ десятинъ. Правда, на всю громадную территорію Туркестана (159 миллионѣвъ десятинъ) это составляетъ только 1½—2%, рядъ небольшихъ оазисовъ; но они то и образуютъ настоящій Туркестанъ, живой и производительный.

Существую-
щія въ краѣ
оросительныя
сооруженія.

Сооруженія, поддерживающія жизнь оазисовъ, за немногими исключеніями, сохранились отъ глубокой древности; они существовали уже въ VIII вѣкѣ. Тогда ихъ было—какъ полагаютъ—даже больше, чѣмъ теперь. Часть древнихъ сооруженій, разрушенныхъ во время войнъ и смѣны завоевателей Туркестана, теперь заброшена и мертва. Развалины исчезнувшихъ городовъ у старыхъ иссохшихъ арыковъ и движущіяся по Туркестану волны песку безмолвно, но выразительно говорятъ объ отсталости современной оросительной культуры по сравненію съ дикими „варварскими временами“.

Какъ бы стремясь защититься отъ этого укора, люди нашего времени подняли тревожный вопросъ: одно ли отсутствіе ихъ заботъ мѣшаетъ восстановленію древнихъ каналовъ? Однѣ ли войны и отсутствіе государственной защиты—уничтожили столько преемственно смѣнявшихся здѣсь одна другую высокихъ культуръ? Не высыхаетъ ли самый Туркестанъ? Не превышаетъ ли въ немъ количество испареній, уносимыхъ вѣтрами, количества вновь выпадающей влаги? Не обреченъ ли край жестокимъ южнымъ солнцемъ на гибель?

Запасы воды
въ Турне-
станѣ.

По счастью, и послѣднія выкладки специалистовъ, и тысячелѣтняя исторія Туркестана, и наблюденія мѣстныхъ хозяевъ разрѣшаютъ этотъ

вопросъ въ успокоительномъ смыслѣ: влаги въ рѣкахъ, озерахъ и колодцахъ становится скорѣе больше, осадки выпадаютъ обильнѣе. И достаточно взглянуть на гигантскія снѣжныя вершины, обрамляющія цвѣтущіе фруктовые сады и хлопковыя плантаціи Ферганской долины, дѣлающей въ Туркестанѣ погоду—въ прямомъ и переносномъ смыслѣ этого слова,—чтобы окончательно отрѣшиться отъ боязни высыхания края. Здѣсь *тѣмъ больше солнца, тѣмъ больше воды*, и самые знойные годы—самые обильные влагой, растаявшими снѣгами.

Будущее Туркестана зависить лишь отъ умѣнія использовать эту воду.

Конечно, водные запасы Туркестана не безграничны; ихъ надо прежде всего подсчитать. Подсчеты эти ведутся теперь мѣстной гидротрической организацией, и, несмотря на трудность и новизну дѣла, для большинства рѣкъ и озеръ края они приведены въ ясность.

Предѣлы возможнаго орошенія новыхъ земель.

Связывая полученныя этимъ путемъ данныя съ подсчетами специальныхъ экспедицій, опредѣлявшихъ площади земель, пригодныхъ для орошенія и хлопководства (последнее обследованіе производилось въ 1907 г.), слѣдуетъ заключить, что имѣющейся въ запасѣ водой можно оросить въ однихъ только хлопковыхъ районахъ еще не менѣе 3 милліоновъ десятинъ земли, т. е. площадь равную существующему орошенному Туркестану, какъ бы создать второй Туркестанъ.

Этотъ новый Туркестанъ, не уступая въ обширности старому, туземному, можетъ превзойти его богатствомъ и культурностью, и новое населеніе его будетъ—русскимъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ будетъ *разрѣшена и хозяйственная наша задача*: увеличить сборъ хлопка до полной потребности русскихъ фабрикъ.

Изъ всей площади въ три милліона десятинъ, могущей быть орошеною, 1.200.000 десятинъ составляютъ земельный запасъ, установленный болѣе или менѣе точно, и 1.800.000 десятинъ—запасъ, опредѣленный лишь приблизительно. Предполагая, что подъ хлопокъ будетъ обращена треть поливной площади, можно разсчитывать на получение путемъ новаго орошенія, современемъ, 1 милліона десятинъ ежегоднаго хлопковаго посѣва т. е. примѣрно 18—20 милліоновъ добавочныхъ пудовъ волокна. Но и орошеніе изъ всей этой площади земель только одной первой очереди дастъ уже 400 тысячъ десятинъ земли подъ хлопокъ, т. е. до 8 милліоновъ пудовъ волокна. Въ связи съ ожидаемымъ увеличеніемъ сбора хлопка въ районахъ существующаго орошенія, это почти покроетъ нашу современную потребность въ хлопкѣ. Но, конечно, только по орошеніи всѣхъ новыхъ

земель, можно будетъ говорить объ окончательномъ вытѣсненіи американскаго ввоза.

Главной водной артеріей, которая призвана осуществить широкіе замыслы будущаго орошенія края, является рѣка Аму-Дарья, по обилію воды почти равная Нилу. Съ ней связана все будущее Закаспійской области, отчасти орошеніе Аму-Дарьинскаго отдѣла, Хивы и Бухары.

Удастся ли когда нибудь привести въ исполненіе гениальную мысль Петра Великаго о поворотѣ Аму-Дарьи снова въ Каспійское море (технически мысль эта, судя по имѣющимся изслѣдованіямъ, вполне осуществима); или дождется своего осуществленія одинъ изъ современныхъ инженерныхъ проектовъ: вести каналъ длиной въ 300 верстъ изъ Аму-Дарьи въ Мервскій и Тедженскій оазисы; или, наконецъ, удастся когда-нибудь разобрать воды этой рѣки по оросительнымъ каналамъ такъ, чтобы не дать вовсе Аму-Дарьѣ дойти ни до Аральскаго, ни до Каспійскаго моря,—покажутъ дальнѣйшія изысканія. Но задачи здѣсь предстоятъ грандіозныя. Лучшій для хлопководства по обилію тепла, солнца и обширности цѣлинныхъ земель, Закаспійскій край, покинутый своей великой рѣкой, теперь мертвъ; въ немъ орошается и воздѣлывается, благодаря рѣчкамъ Мургабу и Теджеу—только одна пятисотая часть поверхности.

Оживленіе Закаспійскаго края, проведеніе къ еще жизнеспособному его центру воды, сквозь сотни верстъ песчаныхъ безлюдныхъ пустынь, связано, однако, съ такими трудностями и затратами, что осуществленіе этого плана, равно какъ и большей части другихъ проектовъ, связанныхъ съ использованиемъ Аму-Дарьи, приходится предоставить будущему. Сравнительно проще выполненіе только двухъ проектовъ: въ дельтѣ Аму-Дарьи, въ Хивинскомъ оазисѣ, орошеніе 200 тысячъ десятинъ, и въ южной Бухарѣ, въ бассейнѣ правыхъ притоковъ той же рѣки, орошеніе 250 тысячъ десятинъ.

Въ предѣлахъ собственно русскихъ владѣній на первую очередь необходимо выдвинуть использованіе рѣки Сыръ-Дарьи, хотя и вчетверо менѣе полноводной, но зато гораздо лучше изученной и болѣе послушной человѣку. Водами этой рѣки, уже и теперь разбираемой на орошеніе, можно оросить еще не менѣе 700 тысячъ десятинъ земли, а съ устройствомъ водохранилищъ, сберегающихъ зимнія воды, и при болѣе бережливомъ расходованіи воды—до 1 милліона десятинъ.

Для работъ, предстоящихъ въ Сыръ-Дарьинскомъ бассейнѣ, только что законченъ составленный, по моему порученію, Туркестанской изыскательной партіей общій схематическій планъ, являющійся сводкой всѣхъ сдѣ-

Аму-Дарьинскій бассейнъ.

Планъ использованія рѣки Сыръ-Дарьи.

ланных за послѣдніе годы изысканій. Въ основу его положена та мысль, что новое орошеніе должно начинаться съ площадей, примыкающихъ къ землямъ уже орошеннымъ, испытаннымъ хлопковой культурой, начиная съ южнаго, верхняго теченія Сыръ-Дарьи въ предѣлахъ Ферганской области, и лишь постепенно подвигаться въ новые районы. Составленъ и примѣрный расчетъ количества воды, которое можетъ быть удѣлено для той или иной площади, пригодной для орошенія.

Наличность такого плана, хотя онъ и подлежитъ еще, разумѣется, дальнѣйшей обработкѣ и исправленіямъ, представляется чрезвычайно важной; теперь, опираясь на этотъ планъ, можно приступать къ отдѣльнымъ сооружениямъ—на средства ли казны или частныхъ предпріятій, безъ страха за то, что такими частичными работами можетъ быть нерасчетливо подорвано и разстроено общее дѣло наиболѣе полного использования водъ рѣки Сыръ-Дарьи. Удастся приберечь воду и для орошенія земель въ низовьяхъ Сыръ-Дарьи, вдоль линіи Ташкентской желѣзной дороги, въ хлопкового района, гдѣ важно образовать густую цѣпь русскихъ хлѣбопашескихъ поселковъ.

Во всякомъ случаѣ, въ многомилліонномъ и новомъ дѣлѣ орошенія осторожнѣе опираться вначалѣ на уже существующія ирригаціонныя системы, для того, чтобы не все вести ошупью, наугадъ, и лишь по мѣрѣ уснѣха и накопленія опыта, браться за новыя, болѣе трудныя предпріятія.

Въ этомъ отношеніи нельзя не обратить вниманія на исправленіе и улучшение прежде всего существующихъ оросительныхъ сооружений. Было бы ошибочно думать, что такимъ путемъ можно добиться лишь немногого. При отсутствіи въ туземныхъ оросительныхъ системахъ *водосборныхъ* каналовъ, онѣ заканчиваются обычно разливами и болотами. Наличие такихъ искусственныхъ болотъ въ краѣ, страдающемъ отъ безводія (извѣстны 100 тысячъ десятинъ заболоченной плодородной земли на лѣвомъ берегу рѣки Чирчика подъ самымъ Ташкентомъ) недопустима, и устройствомъ водосборныхъ системъ нужно ихъ осушить. Затѣмъ, изъ-за отсутствія въ туземныхъ арыкахъ шлюзовъ и распределителей, позволяющихъ провѣрять и точно разсчитывать водопользованіе, много воды тратится расточительно, вслѣдствіе чего на часть полей воды не хватаетъ. Даже въ Ферганѣ изъ 900 тысячъ десятинъ орошаемыхъ земель почти 200 тысячъ десятинъ остаются невоздѣланными подъ такъ называемымъ „перелогамъ“, хотя воды въ оросительныхъ сооруженияхъ хватило бы, по расчету, на вдвое большую площадь. Сравнительно второстепенными поправками къ ороситель-

ной сѣти и лучшимъ надзоромъ за нею можно обратить эти перелогі въ хлопковыя плантаціи. Вообще: укрѣпить плотины и головныя сооруженія, прочистить каналы, провести мелкіе распределительные арыки, ввести, гдѣ можно, въ туземныя системы изобрѣтенія инженернаго искусства: шлюзы, перепады, распределители (какъ это вводится уже понемногу въ Ферганской области),—всѣ работы такого рода я считаю работами первой очереди. Онѣ дадутъ населенію несомнѣнное, реальное и скорое благо, тогда какъ грандіозные проекты новаго орошенія все же пока только проекты.

Упорядоченіе существующей оросительной сѣти общаеетъ и количественно далеко не малые результаты: по сдѣланнымъ подсчетамъ, оно можетъ прибавить, въ общей сложности, къ производительной площади края еще нѣсколько сотъ тысячъ десятинъ, т. е. не менѣе ста тысячъ десятинъ ежегодно для хлопкового посѣва.

Къ улучшенію оросительныхъ системъ могутъ быть привлечены какъ наличныя техническія силы въ краѣ, такъ и денежныя средства казны. Необходимо также приспособить для этой цѣли меліоративный кредитъ вѣдомства: капиталъ для выдачи ссудъ на сельскохозяйственныя улучшенія, и усилить этотъ кредитъ въ смѣтномъ порядкѣ.

Равнымъ образомъ при новомъ орошеніи правильнѣе всего идти по слѣдамъ древнихъ оросительныхъ сооружений, восстанавливая ихъ, гдѣ это окажется возможнымъ, а также не пренебрегая устройствомъ простѣйшихъ водохранилищъ, сберегающихъ зимнія воды. Такого рода работы доступнѣе и дешевѣе другихъ. Какъ на примѣръ, укажу на легкость восстановленія арыка Чардары въ Самаркандской области, могущаго оросить 7 тысячъ десятинъ, и на устройство загражденій близъ озера Искандеръ-Куль, гдѣ съ затратой около полумилліона рублей можно оросить свыше 20 тысячъ десятинъ подъ хлопокъ. Объ осуществленіи такихъ несложныхъ работъ чаще всего и просили—при моемъ проѣздѣ—мѣстные люди, по опыту мало довѣряющіе широкимъ проектамъ новаго орошенія.

Начавъ съ небольшихъ работъ, идя по слѣдамъ, завѣщаннымъ древностью, можно постепенно перейти къ самостоятельнымъ сооружениямъ и закончить грандіозными предпріятіями въ родѣ поворота Аму-Дарьи на орошеніе Закаспійской области. Начинать съ огромнаго—иногда значить не достичь и малаго.

Конечно, забывать о широтѣ предстоящихъ задачъ нельзя. Однѣми поправками къ древнимъ туземнымъ системамъ ограничиться невозможно, тѣмъ болѣе, что только новыя сооруженія дадутъ и новыя, выполнѣ сво-

Простѣйшія
оросительныя
работы.

бодная земля для русского переселения. Но къ известной осторожности обязываетъ то обстоятельство, что до сихъ поръ русской властью слишкомъ мало еще сдѣлано для орошенія края.

Тогда какъ даже завоевателямъ древности удавалось иногда связать свое имя съ какой-нибудь новой крупной оросительной системой, русскія государственныя учрежденія и русская казна, въ этой области, пока еще до сихъ поръ не создали, — приходится это признать, — почти ничего.

Мургабское
имѣніе.

Крупнѣйшія оросительныя сооруженія устроены лишь въ недавнее время и только въ Мургабскомъ Государевомъ имѣніи. Воздвигнутыя здѣсь три громадныя плотины на рѣкѣ Мургабѣ съ гидро-электрической станціей, выстроенныя русскими инженерами и давшія возможность оросить 25 тысячъ десятинъ земли, являются замѣчательнымъ опытомъ примѣненія научной техники. По сравненію съ туземными арыками, которые создавались вѣками, ощутно, первобытно, которые всегда подчинены рѣкамъ и постоянно разрушаются стихійной силой теченія, требуя для поддержанія и ремонта напряженныхъ усилій туземнаго населенія, сгоняемаго къ нимъ во всякую погоду, нерѣдко въ самое горячее рабочее время, — новѣйшія сооруженія инженернаго искусства кажутся чудомъ. Они какъ нельзя лучше отвѣчаютъ измѣнившимся условіямъ бытоваго и государственнаго уклада, тогда трудъ человѣка бережется и цѣнится, когда онъ проникается разумомъ и вооружается капиталомъ. Плотины Мургаба — и только онѣ оди — аглядно рисуютъ пока въ Туркестанѣ великое будущее ирригаціи, повѣляющей водяной стихіей и не требующей отъ населенія ни рабскаго, безсчетнаго труда, ни жертвъ здоровьемъ и жизнью. Здѣсь и только здѣсь бурная горная рѣка, прочно скованная желѣзомъ и камнемъ, покорно несетъ свои воды по указаннымъ ей инженерною наукою десяткамъ каналовъ безъ малѣйшаго сопротивленія и отдаетъ, при помощи электрической станціи, избытокъ своихъ силъ и энергіи на приведеніе въ дѣйствіе цѣлаго ряда заводовъ, по тянущимся отъ нея на десятки верстъ проводамъ.

Каналь Великаго
Князя.

Вторымъ крупнымъ оросительнымъ сооруженіемъ, также недавняго сравнительно времени, является каналъ Императора Николая I въ Голодной Степи, построенный по почину Великаго Князя Николая Константиновича и орошающій въ настоящее время, послѣ нѣкоторыхъ исправленій, 12 тысячъ десятинъ. Каналь этотъ проведенъ обычнымъ туземнымъ способомъ, но тѣмъ не менѣе значеніе его какъ перваго по времени удачнаго русскаго дѣла въ области орошенія — и экономическое, и въ особенности моральное, вне сомнѣнія.

Вотъ, въ сущности, и все, что сдѣлано въ области орошенія, за время русскаго владычества въ Туркестанѣ.

Опыты казеннаго орошенія были до сихъ поръ не удачны. Еще въ Орошеніе Голодной Степи. 70-хъ годахъ, по мысли генерала Кауфмана, были начаты работы по орошенію Голодной Степи, но онѣ не привели ни къ какимъ результатамъ и вскорѣ были заброшены. Въ 90-хъ годахъ было приступлено къ орошенію Учъ-Курганской степи въ Ферганской области; работы были открыты, затрачено 40 тысячъ рублей, но, затѣмъ, оказалось, что земли, на которыхъ велись работы, зажежены въ надѣлъ туземному населенію, дѣло было приостановлено и заглохло. Съ конца 90-хъ годовъ оросительныя работы вновь переносятся въ Голодную Степь. Былъ выработанъ, и въ 1900 году утвержденъ, проектъ орошенія 45 тысячъ десятинъ, на этотъ разъ, въ общемъ, составленный безъ особыхъ техническихъ ошибокъ, замѣченныя погрѣшности, объясняемыя недостаточностью предварительныхъ изысканій, исправлялись во время самого хода работъ. Но совершенно невѣрно были исчислены стоимость работъ и ихъ срокъ: на все дѣло испрошено было только 2¼ милліона рублей или около 50 рублей на десятину, съ чрезмѣрною, явною преуменьшенностью. Скупясь на деньги, не поспушили только на время, растянувъ срокъ работъ и отпускъ денегъ на 10 лѣтъ. За эти годы удалось соорудить только магистральный каналъ, длиною въ 37 верстъ, при чемъ выяснилось, что вся стоимость орошенія будетъ вътрое болѣе предполагаемой, 7 съ лишнимъ милліоновъ. Только въ минувшемъ году средства на это дѣло были отпущены, наконецъ, въ достаточномъ размѣрѣ: дано около 5 милліоновъ рублей на завершеніе земляныхъ работъ въ Голодной Степи, на устройство головныхъ сооружений и мелкой оросительной сѣти. Эти послѣднія работы сданы съ подряда; срокомъ ихъ окончанія назначено 1 января 1915 года.

Подробно осмотрѣвъ на мѣстѣ выполненныя уже сооруженія и ознакомиться съ ходомъ подрядныхъ работъ я считалъ весьма важнымъ и теперь въ правѣ выразить надежду, что дѣло это получитъ, наконецъ, завершеніе, быть можетъ, даже ранѣе назначеннаго срока. Тогда въ центрѣ Туркестана, въ бесплодной степи, возникнетъ новый оазисъ: цѣлый русскій уѣздъ, съ десятками тысячъ жителей и съ производствомъ хлопка въ сотняхъ тысячъ пудовъ. Зачатки такого будущаго уже налицо, въ видѣ двухъ русскихъ поселковъ, Спасскаго и Духовскаго, на земляхъ прилегающихъ здѣсь же и включаемыхъ въ новую оросительную систему канала Великаго Князя.

Незначительность исполнения работ сравнительно с задачами орошения.

Начатый опыт орошения Голодной Степи дает ряд полезных указаний для будущего: не следует преуменьшать действительной стоимости оросительных сооружений — и необходимо вести их скорее.

Но и этот опыт пока еще не завершен, и плоды его — в будущем. Еще дальше от нас выполнение других, заготовленных в прежние годы, но требующих теперь — в связи с новейшими изысканиями — коренной переработки, проектов орошения в различных местностях Туркестана, в общей сложности, 209 тысяч десятин из земельного запаса „первой очереди“. Остается еще 1 миллион десятин той же первой очереди и 1 миллион 800 тысяч десятин — второй.

Привлечение частной предпримчивости: 1) Нормальная условия.

Сопоставляя то, что сделано и может быть сделано казной для орошения в ближайшие годы, с теми планами создания Нового Туркестана, которые не могут не стоять перед Россією, нельзя не отнести с невольным недоумѣніемъ къ нерѣдкимъ у насъ спорамъ о томъ, казнь или частнымъ предпріятіямъ слѣдуетъ предоставить орошение Туркестана.

Оросить можно еще не менѣе 3 миллионъ десятинъ, съ затратою нѣсколькихъ сотъ миллионъ рублей. Казалось бы, и казнь, и частнымъ предпринимателямъ открывается достаточно широкое поле дѣятельности. Даже при совмѣстныхъ усиліяхъ, достиженіе цѣли растянется на десятилѣтія.

Одной казнѣ взять на себя все орошеніе Туркестана немислимо. Но, съ другой стороны, трудно согласиться и съ тѣми, кто видитъ выходъ въ отстраненіи казны отъ этого дѣла и въ привлеченіи къ нему исключительно частной предпримчивости, „по примѣру Америки“. Прежде всего, и въ Америкѣ многое было сделано въ области орошенія федеральною властью и отдѣльными штатами. А затѣмъ — въ Россіи нѣтъ того обилія предпримчивыхъ, вооруженныхъ энергіей, инициативой и техническими знаніями капиталовъ, которые есть въ Соединенныхъ Штатахъ. Нѣтъ у насъ и того класса крѣпкихъ фермеровъ, которые обычно являются тамъ покупателями орошенныхъ земель у частныхъ компаній и возвращаютъ имъ наличными деньгами, съ лихвой, всѣ затраты. При такихъ условіяхъ американская постановка дѣла, на повѣрку, оказалась бы иллюзіей, за которой скрывается та же русская дѣйствительность. „Америки безъ американцевъ“ искусственно сдѣлать нельзя.

Съ другой стороны, орошеніе и заселеніе пустынныхъ земель имѣетъ для насъ не одно только экономическое значеніе, какъ въ Америкѣ, но и политическое: укрѣпленія русскихъ людей на окраинѣ. Поэтому

сохранить, въ извѣстныхъ предѣлахъ, преимущественное право распоряженія орошенной землей за государствомъ необходимо.

Этими общими соображеніями опредѣляется принципиальное рѣшеніе вопроса о частной предпримчивости. Не возлагая на нее преувеличенныхъ надеждъ, слѣдуетъ каждое отдѣльное заявленіе о желаніи оросить землю въ Туркестанѣ привѣтствовать и поддерживать. При этомъ въ условіяхъ, заключаемыхъ съ оросительными компаніями, должны быть обезпечены двѣ главныхъ возможности: для государства — возможность получить часть орошенной земли въ свое распоряженіе, безъ какихъ-либо денежныхъ жертвъ, для предпріятія — возможность достаточныхъ прибылей.

Общая схема для построенія взаимоотношеній казны и предпринимателей, т.-е. такъ называемыхъ „нормальныхъ кондцій“ на частное орошеніе, складывается изъ слѣдующихъ положеній.

Площадь земель, доступныхъ для орошенія, громадна: 3 миллионъ десятинъ. Цѣнность земель безъ орошенія близка къ нулю: 10 — 15 рублей десятина. Стоимость орошенія, примѣрно, 150 — 200 рублей на десятину. Стоимость десятины уже орошенной — 600 рублей и болѣе (до 3.000 р., смотря по мѣстности); доходность ея, при хлопковой культурѣ, — до 150 рублей въ годъ; иными словами, при обращеніи подъ хлопокъ одной трети орошенной площади, стоимость капитальныхъ затратъ на орошеніе можетъ быть погашена въ три года.

Такъ какъ государство не располагаетъ деньгами для того, чтобы взять на себя орошеніе всего Туркестана, хотя это дѣло и выгодное, а съ орошеніемъ медлить нежелательно, то слѣдуетъ открыть возможность широкаго прилива къ этому дѣлу частныхъ капиталовъ, дѣлиться съ ними имѣющимися уже изысканіями и вообще всячески ихъ поддерживать. Самое орошеніе должно быть произведено за счетъ частныхъ капиталовъ, безъ гарантій, съ тѣмъ, чтобы орошенная земля дѣлилась впослѣдствіи поровну между предпріятіемъ, давшимъ деньги и воду, и государствомъ, давшимъ землю и право на орошеніе.

Такова общая схема, которая можетъ конечно и разнообразиться, въ зависимости отъ трудности и выгодности данного предпріятія.

Государство получить при этомъ дѣйствительную помощь частнаго капитала и приобрести, безъ затратъ орошенные площади. Капиталъ, несмотря на уступку казнѣ части орошенной земли, получитъ все же достаточную прибыль отъ использованія другой части, приобретаемой имъ въ собственность. И возможность извлечь такую прибыль должна быть ему обезпечена; безъ этого условія нельзя рассчитывать на практическое осу-

щественіе самых горячих пожеланій привлеченія къ дѣлу частной предпринимчивости. Этого не слѣдуетъ забывать при выработкѣ тѣхъ или иныхъ соглашеній съ частными предпринимателями—въ заботахъ объ одной только выгоды ихъ для казны.

Кромѣ этого основнаго начала—дѣлежа орошенныхъ земель, въ соглашеніяхъ съ предпринимателями долженъ быть выраженъ и рядъ другихъ условий: подчиненіе предпріятія общему плану орошенія Туркестана, техническій контроль казны, количество воды, которымъ можетъ располагать предпріятіе, переходъ въ казну оросительныхъ сооружений по истеченіи извѣстнаго времени, порядокъ раздѣла орошенныхъ земель между казной и частнымъ предпринимателемъ, правила использования предпріятіемъ доставшейся ему части земель (предѣльная арендная плата и такса на воду и т. п.).

Проектъ такихъ „нормальныхъ кондцій“ уже выработанъ. Есть основаніе надѣяться, что и частные капиталы пойдутъ на эти условія.

2) Имѣющіяся
предложенія
частныхъ
предпринимателей.

Въ настоящее время въ Главное Управление Землеустройства и Земледѣлія поступило 21 заявленіе отъ частныхъ предпринимателей о желаніи оросить Туркестанскія земли. На нѣсколькихъ изъ этихъ заявленій, какъ на болѣе типичныхъ, стоитъ вкратцѣ остановиться.

Одно изъ заявленій подано группой московскихъ капиталистовъ, преимущественно владѣльцевъ хлопчатобумажныхъ фабрикъ. Предпріятіе заключается въ орошеніи водой изъ рѣки Нарына (притокъ Сырь-Дарьи) въ Ферганской области въ первую очередь 38 тысячъ десятинатъ, а во вторую еще до 200 тысячъ десятинатъ. Технический проектъ намѣченъ, для окончательной разработки его привлекаются крупнѣйшія англійскія и швейцарскія инженерныя компаніи.

Это предпріятіе заслуживаетъ несомнѣнно вниманія. Всего естественнѣе привлечь къ орошенію новыхъ хлопковыхъ земель именно капиталы, занятые переработкой хлопка, и при томъ капиталы русскіе: Москву. Дѣло начинается въ старомъ, испытанномъ и устойчивомъ хлопковомъ районѣ, въ Ферганѣ. Полезной чертой предпріятія является въ моихъ глазахъ и привлеченіе иностранныхъ инженеровъ. Инженеры-гидротехники у насъ на-перечетъ, специальной подготовки въ учебныхъ заведеніяхъ (за отсутствіемъ таковыхъ) они не получили; практическій опытъ нашъ въ этомъ дѣлѣ не великъ,—хотя есть и блестящіе начинанія. Пусть придутъ иноземныя мастера этого дѣла: намъ будетъ у кого поучиться.

Второе предпріятіе начато въ Бухарѣ; оно заключается въ орошеніи

72 тысячъ десятинатъ и обѣщаетъ дать скорые практическіе результаты. Въ этомъ отношеніи дѣло значительно облегчается тѣмъ, что всѣ юридическія осложненія, связанныя съ выдачей концессіи, правами на селеніа на воду, проведеніемъ каналовъ черезъ чужія земли и пр., разрѣшаются властью Эмира и одобреніемъ Туркестанскаго Генераль-Губернатора. Между тѣмъ особое положеніе наше въ Бухарѣ дѣлаетъ и бухарскія оросительныя предпріятія намъ полезными, не только для увеличенія нашего опыта въ области орошенія, но и для увеличенія сбора хлопка и для предоставленія части орошенныхъ земель русскимъ арендаторамъ.

Своеобразное и также внушающее надежду на успѣхъ предпріятіе задумано затѣмъ въ Ферганѣ, въ Казылъ-Ярской степи: оно заключается въ устройствѣ орошенія 3.700 десятинатъ помощью механическаго подъема воды изъ рѣки Нарына. Такое „машинное орошеніе“ въ особенности удобно тамъ, гдѣ высота берега затрудняетъ орошеніе „самотекомъ“.

Для орошенія сравнительно небольшихъ прирѣчныхъ площадей машинное орошеніе (съ нефтяными двигателями) вполнѣ пригодно; оно примѣняется уже мѣстами, въ Закаспійской области на рѣкѣ Тедженѣ и въ Ферганѣ. Устройство такого орошенія не дорого: 70—100 рублей на десятинину, и оно имѣетъ будущность, такъ какъ помимо прибрежной полосы, укрѣпленной за населеніемъ, однѣхъ казенныхъ, прирѣчныхъ земель, допускающихъ поливку этимъ способомъ, имѣется вдоль Сырь-Дарьи около 40 тысячъ десятинатъ.

Не останавливаясь здѣсь на другихъ заявленіяхъ частныхъ предпринимателей, я считаю долгомъ самымъ рѣшительнымъ образомъ высказаться вообще за скорѣйшій приступъ къ орошенію на частныя средства.

Вопросъ объ утвержденіи нормальнаго договора, съ передачей части земель предпринимателямъ, послѣ орошенія, въ собственность, требуетъ, конечно, законодательнаго разрѣшенія и будетъ представленъ на утвержденіе въ теченіе ближайшихъ мѣсяцевъ. Но *приступа* къ оросительнымъ работамъ, въ той ихъ предварительной части, которая не требуетъ особаго законодательнаго разрѣшенія и для которой достаточно точекъ опоры и въ дѣйствующемъ законѣ, можетъ быть, и не слѣдовало бы откладывать. По крайней мѣрѣ, сдача земель отдѣльнымъ предпріятіямъ въ аренду, хотя бы и на срокъ свыше 24 лѣтъ, допускалась уже съ Высочайшаго соизволенія, черезъ Совѣтъ Министровъ, въ примѣненіи къ Сибири, Дальнему Востоку и Астраханской губерніи—для скотоводовъ; было бы желательно обсудить вопросъ о примѣненіи того же порядка и къ оросительнымъ предпріятіямъ Туркестана. Равнымъ образомъ, впредь до

Порядокъ
приступа къ
орошенію.

изданія подробнаго воднаго закона, имѣющаго опредѣлить права государства, населенія и частныхъ предпринимателей на воду, также слѣдовало бы выяснить возможность допускать, въ порядкѣ управленія, использованія предпринимателями завѣдомыхъ излишковъ воды и занятіе ими, примѣнительно къ дѣйствующему спеціальному закону 1902 года, земель подъ каналы и другія сооруженія.

Скорѣйшее оживленіе водой мертвыхъ пустынь Туркестана для заселенія и обращенія ихъ подъ хлопокъ—дѣло настолько экономически и политически важное, что разрѣшать его слѣдуетъ если и не съ бухарскою простою, то, во всякомъ случаѣ, и не съ китайскою сложностью.

Для прочной постановки оросительныхъ сооружений въ будущемъ, придется, однако, поторопиться и съ изданіемъ необходимыхъ законовъ, правилъ о привлеченіи частной предпринимчивости и—воднаго закона.

Въ настоящее время все водное законодательство Туркестана выражается двумя строчками Туркестанскаго Положенія (ст. 256): „воды въ главныхъ арыкахъ, ручьяхъ, рѣкахъ и озерахъ предоставляются въ пользованіе населенія по обычаю“. Не оговорены ни основанія распредѣленія воды между населеніемъ, ни порядокъ разрѣшенія споровъ. Между тѣмъ водные обычаи отнюдь не представляютъ собою чего-либо неизмѣннаго и опредѣленнаго; захваты воды селеніями, лежащими выше по теченію рѣкъ и главныхъ арыковъ, въ ущербъ нижнимъ селеніямъ, постоянны. Администраціи волей-неволей приходится разбирать вѣчныя тяжбы изъ-за воды и убѣждаться, что въ правосознаніи населенія живы только нѣсколько главныхъ идей: размѣръ пользованія водой долженъ отвѣчать размѣру обрабатываемой производительной площади, которая измѣняется; вся наличная вода въ арыкахъ соответственно обилію или недостатку ея въ данномъ году должна дѣлиться между всѣми, соразмѣрно потребности. Но споры должна непременно рѣшать, въ концѣ концовъ, русская власть. Ни обычаи, ни ветхія туземныя грамоты, ни давность разрѣшать ихъ болѣе не могутъ. Установленіе и сохраненіе должнаго порядка въ правоотношеніяхъ этого рода слишкомъ важная государственная потребность. Въ странѣ хлопка, странѣ цѣнныхъ культуръ, опорой хозяйства, основаннаго на орошеніи, долженъ быть ясный и опредѣлительный водный законъ.

Въ настоящее время проектъ такого закона, послѣ двухлѣтней разработки его на мѣстѣ и въ Петербургѣ, составленъ и внесенъ въ Государственную Думу. Въ основѣ его лежитъ право государства на верховное распоряженіе всѣми водами Туркестана. Установлены основанія для расчета

воды, связанной потребностями населенія, порядокъ использованія свободныхъ водъ для новыхъ оросительныхъ сооружений и проектированы мѣстные органы воднаго управленія.

Наибольшую трудность представить, конечно, вычисленіе умѣренной и въ то же время достаточной нормы воды для полива опредѣленной площади (называемаго „модуля“). Такой, однообразной для всего края, нормы въ проектѣ и не установлено; вопросъ этотъ будетъ разрѣшаться—для каждой отдѣльной мѣстности—будущимъ воднымъ управленіемъ. Теперь нормальнымъ считается расходъ одной кубической сажени воды въ секунду для полива 10 тысячъ десятинъ; иначе говоря, одного кубическаго фута воды должно хватить на 30 десятинъ или одного литра на десятину. Эта норма, однако, слишкомъ широка: по даннымъ опытныхъ полей, для многихъ культуръ ее можно сократить вдвое и втрое. Туземцы также обходятся часто гораздо меньшимъ количествомъ воды; но бываютъ случаи и „растраты“ воды: расходуетъ въ 2 раза, въ 6 и даже въ 14 разъ больше нормы,—въ ущербъ, конечно, сосѣдямъ. Прекратить такіе растраты и упорядочить фактическое пользованіе водой, положивъ его въ основаніе новаго закона, но введя къ нему необходимыя ограниченія и поправки, существенно важно. Намѣченные въ этомъ отношеніи правила (допускающія переводъ „секундо-литровъ“ и на туземныя мѣры и, еще лучше, на извѣстную часть наличной воды въ рѣкахъ или арыкахъ), повидимому, представляются достаточно гибокими и оставляютъ необходимый просторъ для дѣятельности воднаго управленія.

Въ текущую сессію Государственной Думы проектъ воднаго закона едва ли, однако, успѣетъ пройти: слишкомъ мало для этого осталось времени. Необходимой отсрочкой необходимо воспользоваться для того, чтобы ввести въ проектъ нѣкоторыя существенныя поправки, необходимость которыхъ выяснилась для меня на мѣстѣ. Въ частности, я не могу не согласиться съ рѣшительнымъ заявленіемъ мѣстныхъ людей о томъ, что примѣнять къ разрѣшенію споровъ о водѣ, хотя бы возникшихъ и послѣ опредѣленія правъ на воду, сдѣланнаго воднымъ управленіемъ, общій *судебный порядокъ* едва ли возможно; кровные интересы хозяйства требуютъ болѣе быстрого рѣшенія; во всякомъ случаѣ слѣдуетъ опредѣленно выразить въ законѣ, что возстановленіе нарушенныхъ правъ на воду, иногда въ самое горячее время полива, не можетъ быть отложено до судебного приговора.

Воднаго закона край ждетъ уже много лѣтъ, почти извѣрившись въ то, что когда-либо дадутъ его. Обнародованіе этого законодательнаго акта будетъ большимъ дѣломъ и составитъ эпоху для Туркестана.

Значение воды
въ Туркестанѣ.

Вода здѣсь—все: жизнь и богатство. Это первенствующее значение воды въ Туркестанѣ прекрасно символизируется древнимъ обычаемъ, о которомъ рассказываетъ Миддендорфъ въ своей классической книгѣ о Ферганской долинѣ. Какъ ни деспотичны были повелители Востока, какъ ни тиранически распоряжались они жизнью своихъ подданныхъ, какъ ни пренебрегали своими обязанностями, но разъ въ годъ, весной, повелитель неизмѣнно, какъ то дѣлаетъ хивинскій ханъ и теперь, являлся передъ своимъ народомъ для того, чтобы лично руководить ежегодными работами по закладкѣ плотинъ и очисткѣ главнаго канала. Такъ, Китайскій Богдыханъ весной проводитъ первую, символическую борозду плугомъ.

Подобное отношеніе къ водѣ, переходящее почти въ религіозное поклоненіе ей, чуждо современному государству. Но оно должно воплотить въ своихъ дѣйствіяхъ иной взглядъ на воду: какъ на измѣренную и покоренную рабочую силу. Этого и можно достигнуть двумя путями: крупными оросительными сооружениями новѣйшаго типа и изданіемъ воднаго закона.

ГЛАВА III.

Русское заселеніе.

Слабое развитіе переселенія въ Туркестанѣ.

Заселеніе Туркестана русскими людьми было выдвинуто, какъ прямая задача государственной власти, непосредственно послѣ присоединенія края. Волѣе 40 лѣтъ, почти полвѣка, дано было на разрѣшеніе этой задачи. Но въ итогѣ мы почти не приблизились къ ея разрѣшенію.

Горсть русскихъ переселенцевъ, устроенныхъ за это время въ коренномъ Туркестанѣ—всего только 6¹/₂ тысячъ хозяйствъ, ничтожна. Если даже присчитать къ ней 8 тысячъ хозяйствъ неустроенныхъ переселенцевъ, то по сравненію съ естественнымъ приростомъ за то же время 5-ти миллионнаго туземнаго населенія, эти числа еле замѣтны. Между тѣмъ, за это время обширные земельные запасы для русской колонизаціи безвозвратно утрачены.

Его причины.

Было бы ошибочно винить въ неуспѣхѣ дѣла исключительно внѣшнія колебанія переселенческой политики. Правда, въ теченіе послѣднихъ 15 лѣтъ край былъ официально закрытъ для переселенческаго движенія, туда просачивалось лишь самовольное переселеніе. Вѣрно и то, что и мѣстной администраціей и Переселенческимъ Управленіемъ дѣло велось

безсистемно, вяло, приемы колонизаціи были шаблонные, сибирскіе, не отвѣчавшіе своеобразію туркестанскихъ условий; выборъ людей, завѣдывавшихъ переселенческимъ дѣломъ въ край, былъ не всегда удаченъ. Въ этомъ отношеніи переселенческое дѣло въ Туркестанѣ до настоящаго времени не упрочило за собой на мѣстѣ, въ противоположность Сибири, должнаго признанія, и только въ самое послѣднее время замѣчается поворотъ къ лучшему.

Но опытъ сибирскаго переселенія показываетъ, что и при закрытіи какой-либо мѣстности для переселенія, и при недостаткахъ правительственной организаціи переселенія, живое, историческое дѣло заселенія азіатскихъ окраинъ все же неустанно и дѣятельно творится самимъ народомъ.

И въ Туркестанѣ, если даже оставить въ сторонѣ Семирѣчье, гдѣ мнѣ не довелось быть и куда русское переселеніе, казачье и крестьянское, шло сравнительно сильнѣе, задатки возможнаго развитія русскаго дѣла въ край на лицо. Но, за исключеніемъ первыхъ поселковъ, почти все, что было сдѣлано для колонизаціи, сдѣлано самими самовольными переселенцами. Это они проникли въ сѣверные уѣзды Сыр-Дарьинской области, примыкающіе къ хлѣбородному Семирѣчью. Это они расположились здѣсь, у воротъ Средней Азіи первой, хотя и рѣдкой линіей русскихъ поселковъ, сумѣвъ войти въ „незаконныя“ соглашенія съ киргизами объ арендѣ и покупкѣ у нихъ земель.

Въ отдѣльныхъ случаяхъ самовольные переселенцы проникали и за Ташкентъ, въ самое сердце хлопковыхъ районовъ, напримѣръ въ Андижанскій уѣздъ Ферганской области; они и здѣсь, частью за деньги, частью захватомъ, ухитрялись находить для себя клочки цѣнныхъ земель. Администрація шла лишь по пятамъ самовольныхъ переселенцевъ, удерживая ихъ, и только тамъ, гдѣ они успѣвали уже укорениться, помогала оформить ихъ устройство, обычно прибѣгая при этомъ къ денежному вознагражденію туземцевъ.

Но случаи вѣдренія русскихъ людей въ толщу туземнаго населенія были до сихъ поръ все же немногочисленны и разрозненны. Правда, богатство отдѣльныхъ русскихъ поселковъ Туркестана, гдѣ средній годово́й бюджетъ переселенческаго хозяйства достигаетъ 1¹/₂ тысячъ рублей, и сіяющіе надъ окрестными полями золотые кресты православныхъ церквей не могутъ не радовать взгляда: они свидѣтельствуютъ, что русскіе люди могутъ не радоваться взгляду: они свидѣтельствуютъ, что русскіе люди могутъ прочно укрѣпляться и въ этомъ край, и при этомъ ревностно оберегать свою вѣрность родной святынь здѣсь, среди мусульманскаго

мира. Но эти свѣтлыя впечатлѣнія—только небольшіе оазисы, это все еще только задатки будущаго. За полвѣка—полтора ста русскихъ поселковъ на все необъятное пространство Туркестана, равное нѣсколькимъ европейскимъ державамъ первой величины, вмѣстѣ взятымъ,—это ничто, это крупицы переселенія.

Очевидно, были глубокія внутреннія причины, задержавшія русское заселеніе края. Причины эти—густота туземнаго земледѣльческаго населенія въ полосѣ орошенныхъ земель и сравнительная бесплодность земель неорошенныхъ.

Русскій законъ и русская власть, съ своей стороны, еще какъ бы усилили значеніе этихъ условий, затруднявшихъ приливъ русскихъ людей въ Туркестанъ. Даже свободныя для сельскаго хозяйства земли не были своевременно выдѣлены.

Выдѣлить ихъ было можно и нужно двумя путями: устроить осѣдлое туземное населеніе по его дѣйствительному владѣнію и ограничить кочевниковъ извѣстной нормой земель, оставляемыхъ имъ для кочеванія. Такъ именно и развивалось дѣло въ другихъ частяхъ киргизской степи. Но въ Туркестанѣ все сложилось иначе.

Земельное устройство туземцевъ производилось здѣсь, какъ извѣстно, въ связи съ привлеченіемъ ихъ къ обложенію. При этомъ стремленіе получить больше обложенной земли и большую сумму налога рѣшительно перевѣсило, и въ самомъ законѣ, и въ примѣненіи его къ жизни, заботу о томъ, чтобы сберечь часть земель за государствомъ. По статьѣ 255 Туркестанскаго Положенія, за осѣдымъ населеніемъ закрѣплялись всѣ состоявшія въ его потомственномъ владѣніи земли: поливныя, не поливныя и даже необрабатываемыя въ количествѣ, опредѣляемомъ на основаніи показаній самихъ владѣльцевъ земель и ихъ сосѣдей. Въ силу этого, за туземцами, съ ихъ словъ, во многихъ случаяхъ замежевывались земли, завѣдомо ими не освоенныя и превывавшія дѣйствительную потребность ихъ хозяйства въ землѣ. Даже въ мѣстностяхъ орошенныхъ, съ высокой культурой, требующей большой затраты труда на каждый клочекъ земли, гдѣ земля мѣрится не десятнами, а „тананами“ („тананъ“—одна четвертая или одна шестая часть десятины: тѣмъ гуще населеніе, тѣмъ величина танана меньше), поземельно-податныя учрежденія отводили, случалось, по 43 десятины на семью. Въ предгорьяхъ Самаркандской области осѣдымъ туземцамъ давались надѣлы по 120 и даже по 348 десятинъ на хозяйство (Нахрукская и Узбекская волости). Мало того: въ надѣлы замежевывались казенно-оброчныя статьи, уже сдававшіяся ранѣе годами въ аренду; частныя промысловыя и

горныя заявки; цѣнные лѣсныя дачи, площадью въ 5 и даже въ 12 тысячъ десятинъ; защитные лѣса, даже искусственныя лѣсныя насажденія (дача Аманъ-Кутанъ, Кара-Тюбинской волости); земли, прилегающія къ головнымъ частямъ строившихся казною каналовъ и т. п. Щедрость поземельно-податныхъ комиссій доходила до того, что въ иныхъ случаяхъ само населеніе—боясь обложенія и явно не будучи въ силахъ обработать намѣченный къ отводу надѣлъ—отказывалось отъ части земель. Такихъ „отказныхъ земель“ (конечно, не лучшихъ по качеству) въ одной Ферганской области насчитывается теперь до 300 тысячъ десятинъ.

Неправильность замежеванія необрабатываемыхъ земель по словесному показанію заинтересованныхъ лицъ о дѣйствительномъ обладаніи ими была настолько ясна, что даже мѣстныя учрежденія возбуждали вопросъ, не ограничивается ли дѣйствіе статьи 255 только поливными землями. Но закономъ 1900 года было разъяснено, что закрѣпленію подлежатъ всѣ освоенныя земли: ирригаціонныя, богарныя и необрабатываемыя.

Представители земельныхъ интересовъ казны—вѣдомства землеустройства—были введены въ составъ поземельно-податныхъ учреждений только съ 1908 года, когда поземельное устройство близилось уже къ концу. Но остановить или измѣнить ходъ дѣла, предопредѣленный закономъ 1886 г., было поздно.

Въ настоящее время поземельно-податное устройство осѣдлага населенія закончено; остается только формальное утвержденіе части надѣловъ, въ натурѣ уже отграниченныхъ, общей площадью въ 600 тысячъ десятинъ. Все, что можно еще, по справедливости и безъ обиды для туземцевъ, сохранить изъ этихъ остатковъ земельного богатства за государствомъ,—дѣлается; но серьезнаго значенія такія запоздалыя и частичныя поправки имѣть, конечно, не могутъ.

Всего отведено въ надѣлы осѣдлому населенію 5½ миллионъ десятинъ лучшей земли. Осталось за казной въ тѣхъ же районахъ 2 миллиона десятинъ, худшихъ и едва-ли пригодныхъ для непосредственнаго использования.

Земли эти понемногу приводятся теперь въ ясность и принимаются въ казну: въ прошломъ году принято 255 тысячъ десятинъ, въ 1912 г. намѣчено принять 323 тысячи. Ускорить пріемъ такихъ, освободившихся за устройствомъ туземцевъ, земель въ казну необходимо, и это будетъ исполнено; но до настоящаго времени отрѣзки отъ поземельнаго устройства мѣстнаго осѣдлага населенія не дали русскому переселенію еще ничего.

Земли коче-
вого населенія.

Земли, занятые кочевым населением, были отданы, по статье 270 Туркестанского Положения, в безсрочное пользование кочевников. При этом, по случайной недомолвке закона, не было оговорено право государства пользоваться свободными излишками земель для переселения и других государственных надобностей, подобно тому, как это было установлено в Степном Положении. Вместе с тем и переход кочевников к оседлости обставлен был в законе такими условиями (допускалось закрепление одних только обработанных земель, то-есть дробных, чрезполосных клочков), что практическое осуществление этих правил было невозможно.

Вследствие этого, целую четверть века с 1886 года, когда было издано Туркестанское Положение, и вплоть до 19 Декабря 1910 года, когда оно было дополнено примечанием к статье 270, громадный земельный запас, имевшийся в районах кочевого населения, оставался неиспользованным.

Переселенцы могли проникать в местности, занятые кочевьями, только как арендаторы киргизских земель. Такие арендные сделки, законом не предусмотренные, долгое время были в обиходе, но в 1908 г. Сенат разъяснил, что сделки эти лишены юридической силы. К счастью, русская аренда все же успела к тому времени сдать некоторые завоевания в кочевых районах. В свою очередь и многие из этих районов обратились уже, в сущности, в земельные.

В Кокандском уезде 96% и 98% мнимых кочевников имеют запашки, при чем площади посевов на каждый двор у них больше, чем у их соседей, числящихся оседлыми. В Чимкентском уезде 82% „кочевых“ хозяйств имеют под посевами свыше 5 десятин, — опять-таки больше, чем оседлое население того же уезда.

Такие кочевники, конечно, дорожат прочностью владения больше, чем земельным простором, и просят об их оседлом устройстве хотя бы на равных с переселенцами основаниях: в одной Сыр-Дарьинской области за год заявлено 12.000 таких ходатайств. Весь Чимкентский уезд обратился ко мне через уполномоченных, при моем проезде, с просьбой об оседлом устройстве. В горных скотоводческих районах остались и настоящие кочевники. Устройство тех и других — на различных, конечно, основаниях — и выделение свободных государственных земель стало возможно только теперь, с изданием закона 1910 г. и распространением на Туркестан инструкции Совета Министров 1909 г., утвержденной ранее для Степных областей.

Закон, наконец, издан, после многих лет колебаний, после настойчивой борьбы за его проведение даже в наше время, в новых законодательных учреждениях. Но потерянные 25 лет дают себя сильно чувствовать. Работы переселенческой организации в районах кочевого населения Туркестана сулят гораздо больше осложнений и трудностей, чем в Степных областях. И тем не менее, значение закона 1910 года громадно; им заложен первый камень обдуманного государственного строительства в деле переселения.

По предварительным подсчетам, будущий земельный запас в районах кочевого населения может быть весьма значительным: в обследованных уже уездах — 7 миллионов десятин, а по всему краю, примерно — до 26 миллионов десятин. Окончательно этот запас определится только после завершения подробного статистического обследования туземных хозяйств.

Такое обследование Переселенческим Управлением начато с 1906 г., к настоящему времени оно закончено в четырех северных уездах Сыр-Дарьинской области: Чимкентском, Аулиеатинском, Перовском и Казалинском; отчасти также в Ташкентском уезде, в Андижанском уезде Ферганской области и Ходжентском — Самаркандской. Какая доля неисчисленных „излишков“ земель окажется пригодной для заселения — точно еще неизвестно; вероятно, по сравнению с общей площадью излишков, неисчисляемой почти тремя десятками миллионов десятин, запасы земель, непосредственно пригодных для заселения, будут относительно невелики. Но все же это будут сотни тысяч десятин, т.е. запасы громадные по сравнению с тем, чем мы располагали до сих пор для переселения. При этом сюда входят и земли, могущие быть орошенными, даже „ватные земли“ (в Самаркандской области) и плодородные предгорья Ферганы, где обезпечено богарное хозяйство: в одном Андижанском уезде освободится не менее 400 тысяч десятин; найдутся и другие ценные земли.

Минувший, 1911 год, был первым годом применения нового закона. За этот год удалось приготовить в Чимкентском и Аулиеатинском уездах 88 мелких переселенческих участков, площадью свыше 100 тысяч десятин, на слишком три тысячи русских хозяйств. По сравнению с тем, что было сделано ранее в крае за полвека (6¹/₂ тысяч устроенных русских хозяйств), такой результат нельзя не признать значительным. Участки отводятся с разбивкой на мелкие единицы, для каждого хозяйства отдельно. По впечатлительному, полученному

Земельный за-
пас для
колониации.

Первые пере-
селенческие
участки, от-
веденные по
закону 1910 г.

при личном их осмотрѣ, можно рассчитывать на быстрое и успешное их заселение.

Но этот первый опыт землеотводных работ в Туркестанѣ подтвердил и всю их трудность.

Во избежание чрезвожности, и для прочного обеспечения будущих переселенческих хозяйств, пришлось прибѣгать къ заимѣ клочковъ киргизскихъ пашень даже на поливныхъ земляхъ—другими равноцѣнными угодьями.

Пестрота рельефа и почвъ мѣстности, запутанность земельныхъ отхождений, арычная система водопользования крайне затрудняли отводъ участковъ. Въ концѣ концовъ, удалось сохранить киргизамъ надѣлы согласно утвержденнымъ Совѣтомъ Министровъ нормамъ: отъ 21 до 27 десятинъ на дворъ, въ томъ числѣ около 7 десятинъ поливной земли. Въ соседніе переселенческіе надѣлы вошло отъ 16 до 31 десятины на дворъ, при чемъ поливной земли, въ среднемъ, около 1 десятины. Пришлось прибѣгнуть и къ перемѣщенію 200 киргизскихъ кибитокъ (т.е. не болѣе одного киргизскаго хозяйства на каждыя семнадцать вновь устраиваемыхъ русскихъ хозяйствъ), съ уплатой имъ достаточнаго вознагражденія.

Обжаловано было киргизами около одной четверти отвода, но жалобы послѣ подробнаго ихъ разсмотрѣнія признаны неосновательными.

Самымъ острымъ переселенческимъ вопросомъ даже здѣсь, въ северныхъ, не-хлопковыхъ, кочевыхъ мѣстностяхъ Туркестана—оказался вопросъ не о землѣ, а о водѣ.

Приходится думать, что все будущее русскаго заселенія Туркестана неразрывно связано съ вопросомъ объ орошеніи.

Какъ по смыслу закона 1910 г., такъ и по справедливости, поливные земли киргизъ могутъ заимѣваться въ переселенческіе участки лишь въ видѣ исключенія. Иное рѣшеніе этого вопроса не можетъ быть принято русскою властью, никогда и нигдѣ не основывавшей благополучія русскихъ людей на разореніи завоеванныхъ племенъ. Изъятіе же изъ пользования киргизъ одной только земли еще не создаетъ переселенческаго фонда; нужно обезпечить его водой.

Конечно, вопросъ о землѣ необходимо было разрѣшить прежде всего. Земельные запасы для колонизации, благодаря окончанію поземельнаго устройства, теперь выдѣлены въ осѣдлыхъ районахъ. Изданіе закона 1910 года для кочевниковъ даетъ возможность провести такое же „генеральное размежеваніе“ земель казны отъ земель кочевыхъ туземцевъ. Но все это—только часть работы.

Необходимо затѣмъ разобраться въ поступающемъ въ распоряженіе вѣдомства земельномъ достояніи и, исключивъ земли, обреченныя на безплодіе, распределить остальные на три основныхъ группы: 1) земли, могущія быть орошенными, 2) земли богарныя, пригодныя для посѣвовъ, и 3) пастбища, пригодныя только для скотоводства.

Наиболѣе цѣнными для переселенія являются земли, доступныя для орошенія. Слѣдуетъ признать, что до полученія воды—это фондъ мертвый. Отдѣленіе его отъ земель туземцевъ имѣетъ, однако, большое значеніе. До разрѣшенія земельной путаницы, не зная точно, гдѣ начинаются и гдѣ кончаются земельныя права казны и населенія, было въ высшей степени затруднительно приступить къ орошенію. Нельзя затрачивать миллионы, не имѣя увѣренности въ томъ, что орошенныя земли поступятъ въ распоряженіе государства и казна не потеряетъ самыхъ оросительныхъ сооружений, какъ это уже случилось въ Учъ-Курганской степи. Даже проведеніе строящагося теперь казной магистральнаго канала въ Голодной Степи по „туганамъ“ рѣки Сыръ-Дарьи натолкнулось на необходимость откупаться отъ туземцевъ: пришлось выкупать землю подъ каналъ у туземнаго селенія Беговатъ, которому само государство только что передъ тѣмъ и отвело эту землю. Такіе случаи не должны болѣе повторяться.

Земли, могущія быть орошенными, составляютъ важнѣйшую, но наименьшую по площади часть переселенческаго земельного фонда и для ихъ использования надо ихъ оросить. Пастбища—часть самая обширная, но наименѣе цѣнная собственно для переселенія: это будущія оброчныя статьи, земли для овцеводовъ.

Среднее мѣсто занимаютъ земли богарныя, болѣе спорная и загадочная часть переселенческаго земельного фонда. Оцѣнка имъ дается, даже мѣстными людьми, самая разнообразная. Одни указываютъ, что на такой-же богарѣ, т.е. на неполивныхъ земляхъ въ засушливыхъ мѣстностяхъ, съ непостоянными урожаями, въ сущности работаютъ всѣ крестьяне степного юга и юго-востока Россіи, и русскіе переселенцы скорѣе будутъ затруднены въ хозяйствѣ на поливныхъ земляхъ, чѣмъ на богарѣ, которая окажется для нихъ только новымъ названіемъ хорошо знакомой имъ неполивной пашни, засѣваемой въ надеждѣ на дождь. Выводы почвенныхъ экспедицій Переселенческаго Управленія скорѣе подкрѣпляютъ, чѣмъ опровергаютъ такое отрадное мнѣніе. Другіе находятъ—и эта точка зрѣнія выражена въ дѣйствующемъ законѣ—что основывать хозяйство пришлыхъ въ край русскихъ людей на рискѣ, на посѣвахъ, выгорающихъ въ иные годы до послѣдняго зерна, нельзя.

Земли, доступныя для орошенія.

Общего рѣшенія этого давняго спора, конечно, не можетъ быть дано, тѣмъ болѣе, что онъ недостаточно освѣщенъ опытомъ. Сухое земледѣліе въ краѣ слишкомъ мало занимало пока наши опытные сельско-хозяйственные учрежденія, поглощенные культурой хлопка на поливныхъ земляхъ. Въ отдѣльных мѣстностяхъ, съ достаточными запасами влаги, питаемой въ предгорьяхъ снѣгами, быть можетъ и не будетъ неблагоразумно положиться всецѣло на однѣ богарныя земли. Опытъ самовольныхъ переселенцевъ, охотно арендовавшихъ, вопреки закону, богарныя земли у киргизъ, и опытъ самихъ туземцевъ, замѣтно расширяющихъ въ послѣднее время—отчасти подъ вліяніемъ русскихъ же переселенцевъ—богарныя посѣвы, является въ этомъ отношеніи успокоительнымъ. Но тотъ же опытъ показываетъ, что наилучшихъ результатовъ удастся добиться лишь при сочетаніи богарныхъ земель съ орошенными, когда большія площади богары являются придаткомъ къ одной-двумъ десятинамъ поливной пашни. При отсутствіи поливной земли хозяйство не можетъ имѣть полной устойчивости, особенно въ засушливые годы.

Между тѣмъ хозяйство пришлыхъ русскихъ людей должно быть устойчивымъ, и политическое значеніе русской колонизаціи обязываетъ дать переселенцамъ доступъ именно на поливныя земли, къ цѣннымъ культурамъ.

Среди зажиточнаго мусульманскаго населенія русскіе переселенцы не могутъ явиться хозяевами бѣдными, захудалыми и принижеными. Политическое преобладаніе въ Туркестанѣ русской народности должно быть закрѣплено и хозяйственной ея силою. Надо дать русскимъ переселенцамъ въ руки безспорное земельное богатство, а такимъ являются въ Туркестанѣ только орошенныя земли. Но всѣ ранѣе орошенныя—въ рукахъ туземцевъ. Остается, слѣдовательно, или скушать у нихъ орошенныя земли или создавать для переселенія, при помощи орошенія, новыя площади. И, по вынесенному мною убѣжденію, неотложно необходимо дѣлать и то и другое.

Для облегченія перехода въ русскія руки орошенныхъ полей желательно распространить на Туркестанъ дѣятельность Крестьянскаго Поземельнаго Банка. Мысль эта возникала уже давно, но каждый разъ она встрѣчала возраженія. Утверждали, во-первыхъ, что туземцы орошенныхъ земель, за исключеніемъ небольшихъ клочковъ, изъ своихъ рукъ не выпустятъ, во-вторыхъ, что купить этихъ земель все равно не удалось бы изъ за юридическихъ препятствій: въ Туркестанѣ у туземцевъ нѣтъ права собственности на землю; въ-третьихъ, что сами русскіе переселенцы не стануť покупать земель у Банка, въ краѣ, гдѣ переселенческія учрежденія раздаютъ

Русскимъ переселенцамъ надо дать орошенныя земли.

Открытие въ Туркестанѣ Отдѣленія Крестьянскаго Банка.

землю даромъ, и въ-четвертыхъ, что переселенцы, даже купивъ землю у Банка, все равно не справились бы съ хозяйствомъ на поливныхъ пашняхъ.

Ближе ознакомившись теперь съ этимъ вопросомъ на мѣстѣ, я рѣшаюсь утверждать, что всѣ эти доводы представляются недостаточно убѣдительными. И данныя ревизіи графа Палена, и мѣстные наблюденія опредѣленно говорятъ о совершающейся въ хлопковыхъ районахъ Туркестана громадной, скрытой мобилизаціи земель. Собранныя сенаторскою ревизіей статистическія свѣдѣнія, правда, отрывочны, но они очень ярки: въ одной только изъ волостей Ферганской долины (Авальская волость), съ населеніемъ въ 2½ тысячи дворовъ, отмѣчено, напримѣръ, по книгамъ народнаго судьи, за одинъ годъ 485 сдѣлокъ о переходѣ земли.

Общая почва, на которой развиваются такіе случаи, ясна. Не справляясь съ веденіемъ хотя и мелкаго, карликоваго, но сложнаго хозяйства, судьба котораго зависитъ отъ колебаній хлопковыхъ цѣнъ на Нью-Йоркской биржѣ и которому приходится покупать на сторонѣ предметы даже первой необходимости, многіе хозяева сарты, подъ гнетомъ частнаго ростовщическаго кредита, выпускаютъ землю изъ своихъ рукъ. При помощи различныхъ закладныхъ и векселей, мѣстные бан сосредоточиваютъ въ своемъ владѣніи значительныя орошенныя площади, получая ихъ за безцѣнокъ по закладнымъ при содѣйствіи народныхъ судовъ. Есть туземные евреи и сарты, состояніе которыхъ оцѣнивается уже многими сотнями и даже тысячами десятинъ, слѣдовательно, милліонами рублей; и рядомъ съ этимъ въ отдѣльныхъ уѣздахъ Ферганской области и въ Асхабадскомъ уѣздѣ процентъ безземельныхъ доходитъ до 30. Очевидно, орошенныя земли быстро переходятъ изъ рукъ въ руки. Выѣзяться въ этотъ процессъ, овладѣть имъ хотя бы частично—задача для государства вполне возможная, хотя, конечно, и трудная.

Разумѣется, государственныя учрежденія не могутъ ставить своей задачей обезземеленіе мѣстнаго населенія. Напротивъ того, взявъ на себя обезпеченіе хлопководамъ дешеваго мелкаго кредита, государство очевидно будетъ содѣйствовать сохраненію туземцами своихъ земель. Но если все-таки отдѣльные ослабѣвшіе хозяева будутъ, несмотря на оказанную имъ кредитную помощь, выпускать землю изъ своихъ рукъ, то государству нѣтъ уже никакихъ основаній допускать скупку и сосредоточеніе такихъ земель крупными, разбогатѣвшими сартами, вмѣсто того, чтобы пріобрѣтать ихъ въ свои руки и распоряжаться ими сообразно общегосударственнымъ интересамъ. Открытіе въ краѣ операций Крестьянскаго Банка, оказывая суще-

ственную поддержку дѣлу русскаго заселенія, въ то же время ничѣмъ не нарушить и интересовъ туземцевъ: отдѣльнымъ разоряющимся сартамъ всегда будетъ выгодно продать свои земли за высшую цѣну Банку и разсчитаться съ кредиторами, чѣмъ терять задолженную землю даромъ. Въ отдѣльных случаяхъ слѣдуетъ предвидѣть, что и не одинъ, собравшій въ своихъ рукахъ крупную земельную площадь, богатый туземецъ или его наслѣдники пожелаютъ реализовать свое состояніе и обратить часть своихъ земельныхъ владѣній въ деньги. Эти земли также весьма желательно приобрѣтать въ фондъ Крестьянскаго Банка, для послѣдующей перепродажи русскимъ переселенцамъ.

По справкамъ, собраннымъ въ 1908 году, въ одномъ Ташкентскомъ уѣздѣ Крестьянскому Банку могло бы быть предложено къ продажѣ 6.000 десятинъ; а въ случаѣ дѣйствительнаго открытія въ краѣ отдѣленія Банка, число предложений, конечно, увеличилось бы.

Право собственности въ Туркестанѣ.

Второе возраженіе—объ отсутствіи права собственности—также едва ли убѣдительно. Въ Туркестанскомъ Положеніи нѣтъ только слова: собственность. Государственный Совѣтъ въ 1886 году просто остерегся окончательно сказать это слово, — „въ виду (какъ значится въ мотивахъ закона) недостаточной выясненности существовавшихъ въ краѣ формъ землевладѣнія и полной неопредѣленности мѣстнаго воднаго права, тѣсно связаннаго съ землевладѣніемъ“. Но всѣ *элементы* права собственности въ законѣ даны: пользованіе, владѣніе и распоряженіе, до права отчужденія земель крѣпостнымъ порядкомъ включительно. А жизнь сказала и самое слово: —собственность.

По статьѣ 255 Туркестанскаго Положенія, земли укрѣпляются при поземельно-податномъ устройствѣ за сельскими *обществами*; но законъ даетъ отдѣльнымъ хозяевамъ и право просить о выдѣлахъ и получать отъ Областныхъ Правленій данныя на выдѣленные участки, съ правомъ послѣдующаго ихъ отчужденія. Участки не выдѣленные также могутъ быть продаваемы по особымъ свидѣтельствамъ, выдаваемымъ уѣзднымъ начальникомъ на основаніи удостовѣренія мѣстнаго народнаго судьи. Самая продажа совершается—для участковъ, стоящихъ выше 300 рублей,—порядкомъ, указаннымъ для купчихъ крѣпостей.

Всѣхъ этихъ положеній закона (статьи 208 и 263) оказалось совершенно достаточно для того, чтобы русскія судебныя учрежденія признали за осѣдлымъ туземнымъ населеніемъ право собственности на укрѣпленные за нимъ земли. Въ этомъ направленіи русской власти надо тщательно изслѣдовать указанный вопросъ и, выразивъ вполне опредѣленно и

твердо свой взглядъ,—поставить, наконецъ, точку надъ *і*, для чего, казалось-бы, не требуется даже особаго законодательнаго акта: можно сдѣлать это въ порядкѣ управленія,—или, наконецъ, и въ дальнѣйшемъ опираться, попрежнему, только на дѣйствующій законъ и судебную практику.

Препятствіе къ правильному гражданскому обороту земель, повидимому, не столько въ требованіяхъ закона, сколько въ недостаткахъ организаціоннаго характера: медленности выдачи данныхъ, отсутствіи землемеровъ, трудности составленія плановъ и проч. Площадь отдѣльныхъ выдѣловъ и теперь мѣстами уже высока, несмотря на всѣ трудности: такъ, въ Ташкентскомъ уѣздѣ выдѣлено 84 тысячи десятинъ: еще чаще Областное Правленіе уклоняется, за недостаткомъ времени и техническихъ силъ, отъ исполненія просьбъ населенія о выдѣлахъ. Въ темныхъ нѣдрахъ народныхъ судовъ, не знающихъ сложныхъ формальностей выдѣла и снятія на планъ надѣльныхъ земель, свободный оборотъ такихъ земель давно уже совершается,—быстро и въ широкихъ размѣрахъ, и только не къ выгодѣ русскаго дѣла въ краѣ.

Такимъ образомъ, приобрѣтеніе земель Крестьянскимъ Банкомъ у туземцевъ возможно. Равнымъ образомъ возможна и послѣдующая продажа земли русскимъ переселенцамъ. Параллельная дѣятельность въ краѣ переселенческихъ учреждений—не препятствіе для работы Банка. И въ центрѣ Степного края—въ Омскѣ, и въ Закавказьѣ, отдѣленія Крестьянскаго Банка теперь уже открыты и дѣйствуютъ. Въ распоряженіи переселенческой организаціи имѣются хотя и даровыя, но гораздо менѣе привлекательныя для хозяевъ неорошенные земли. Земли же орошенныя будутъ и казной отдаваться за плату; во всякомъ случаѣ установить общій планъ дѣятельности казны и Банка всегда возможно. Что-же касается неспособности русскихъ людей къ поливному хозяйству, то этотъ доводъ теперь совершенно устарѣлъ и опровергнутъ рядомъ живыхъ примѣровъ—десяткомъ переселенческихъ хлопководныхъ поселковъ въ краѣ.

Конечно, вкрапливаніе отдѣльныхъ русскихъ хозяйствъ въ гущу туземнаго населенія—дѣло трудное, и къ нему слѣдуетъ подходить осторожно. Но жизнь даетъ уже какъ бы намеки на то, что въ успѣхъ этого дѣла вѣрять все-таки можно и преувеличивать трудностей его не слѣдуетъ. Я разумно случаю, имѣвшіе уже мѣсто въ Ташкентскомъ уѣздѣ, когда отдѣльнымъ крестьянамъ удавалось, безъ всякой помощи Правительства, проникать въ среду осѣдлаго туземнаго населенія и преодолевать всю сложную процедуру выдѣла, приобрѣтенія и укрѣпленія земель. При содѣйствіи

Продажа поливныхъ земель русскимъ переселенцамъ.

Крестьянского Банка и при возникновении в будущем, неподалеку от них орошенных земель, новых орошенных оазисов, уже со сплошным русским населением, — число случаев вытеснения отдельных русских хозяйств в среду туземцев не может не увеличиться, и положение таких хозяйств будет на много прочнее, тверже и безопаснее.

Значение раз-
дробности
туземных
владений.

Серьезное затруднение для деятельности Банка в Туркестане заключается в незначительности размеров туземных владений. Но тем же, наблюдавшим в крае случаи покупки самими крестьянами орошенных земель у туземцев, дают основание надеяться, что наиболее мелкие клочки поливных пашен, которые Банку приобретать в свой собственный фонд затруднительно, будут переходить в русские руки по посредническим сделкам. Что же касается мелкости вообще туземных владений, — более ощутимой здесь, даже чем в Закавказье, то к этому обстоятельству нужно приспособиться. Там, где земля мѣряется не десятинами, а танапами, где стоимость орошенной десятины доходит до 3 тысяч рублей, и бывают случаи аренды по 150 рублей за десятину, там, конечно, общий охват деятельности отделения Банка не может выразиться ежегодно десятками тысяч десятин, как в Европейской России; но зато и по *интенсивности* самых земель, и по общегосударственному значению перехода их в русские руки деятельность Туркестанского отделения Банка едва ли уступит деятельности других отделений.

По всем этим соображениям и Генерал-Губернатор края, и его Совет, и все те местные люди, с которыми мне приходилось беседовать, стоят за скорейшее открытие в городе Ташкенте отделения Крестьянского Банка; и я не могу не присоединиться к их мнению. Неслѣдует, конечно, преувеличивать значения этой мѣры, она не может идти ни в какое сравнение с другими, намеченными выше — не только, например, с орошением новых площадей или проведением новой желѣзной дороги, но и с организацией правильного кредита или улучшением сельско-хозяйственной культуры. Объем ее действия будет сравнительно невелик; достигнутые результаты в особенности первое время — скромны. Поэтому, и по очереди исполнения, и по своему практическому значению мѣра эта не может быть выдвигана на первый план в правительственной программе. Но как дополнение к широкой колонизационной политике в Туркестане, как один из способов устройства русских людей на орошенных землях края — открытие здесь деятельности Крестьянского Банка желательно и полезно.

Земли, орошенные на средства казны или переданные в казну по договору частными предприятиями, должны всецело быть предоставлены для русского заселения. Эти земли — главная надежда русского хлопководства и русского переселения. То и другое должно быть взаимно связано и обусловлено.

Условие отвода переселенцам орошенных земель.

Орошенные ватные земли не могут, конечно, раздаваться русским переселенцам на обычных сибирских условиях. Они слишком дорогой цѣной достанутся государству. Окупить сделанные затраты и оправдать такую чрезвычайную мѣру, как искусственное создание новой территории для переселения, может лишь обязательное обращение вновь орошенных земель под ценные культуры, главным образом, под хлопок. Не менее $\frac{1}{3}$ орошенной площади должно находиться под хлопком. Только тогда будет в полной мѣре достигнута хозяйственная цель орошения, увеличение народного богатства России и обеспечение нашей хлопчатобумажной промышленности своим сырьем.

Занятие хлопководством.

Бережного и наиболее производительного использования будущего орошенного фонда требует, однако, не только хозяйственный расчет, но и насущный интерес русской государственной политики в крае.

Будущие переселенческие поселки должны быть не бедные, а богатые туземных кишлаков. Разбогатевшие под защитой русской власти сарты ценят и уважают прежде всего силу. Наша военная и политическая мощь держит их в своем объятии. Но постепенно они все определеннее сознают значение экономической силы, денег. Эта сила теперь, благодаря хлопку, в их руках. И, судя по некоторым внешним признакам, они проникаются — быть может, даже чрезмерно — этим сознанием. Русские переселенцы должны, при деятельной поддержке Правительства, стать по меньшей мѣре наравне с ними. Они должны овладеть ценными культурами, должны быть экономически сильными. На языке края — это значит, что они должны сами сѣять хлопок, и в своих собственных интересах, и в интересах посылающего их на окраину Государства.

Таково первое условие отвода орошенных земель. Для того, чтобы оно было вполне обеспечено, слѣдует, до передачи переселенческим участкам окончательно в собственность русским переселенцам, временно давать переселенцам только право владения орошенными землями с тем, что они обязаны закультуривать определенную площадь под хлопок и только тогда земли будут закреплены за ними в собственность.

Русское хлопководство в крае.

Соблюдение этого условия не представит затруднений. Опытом Туркестана и Закавказья доказано уже, что хлопководами не рождаются, а дѣлаются. Наши западные, юго-западные и новороссийскія губерніи, гдѣ культура свеклы и картофеля давно уже приурочила население къ между-рядной обработкѣ промышленныхъ пропашныхъ растений, могутъ дать отличныхъ хлопководовъ. Большинство русскихъ крестьянъ-хлопководовъ высланы пока въ Туркестанъ Волынъ и Киевъ. Равнымъ образомъ „иногороднее“ крестьянство съ берега Терека и Кубани,—милліонъ безземельныхъ арендаторовъ казачьихъ земель сѣвернаго Кавказа, выдѣлявшій уже изъ своего состава первыхъ русскихъ хлопководовъ Мугани, можетъ выслать и въ Туркестанъ еще много засельщиковъ и рабочихъ на хлопковыя плантаціи.

Въ край насчитывается уже съ десятокъ русскихъ поселковъ, усѣбно занимающихся хлопководствомъ. Въ Закаспійской области 15 лѣтъ хлопководствомъ занимается поселокъ Скобелевка, съ двумястами десятинами ежегоднаго посѣва хлопка и среднимъ годовымъ бюджетомъ каждой крестьянской семьи въ 1½ тысячи рублей. Въ Самаркандской области заслуживаютъ упоминанія поселки Срѣтенскій, Спасскій и Духовской, въ Ташкентскомъ уѣздѣ—Богородицкій и Троицкій. Въ этихъ поселкахъ подъ хлопкомъ, въ среднемъ, почти треть орошенной земли, т.-е. достигнута указываемая правильнымъ сѣвооборотомъ норма. Въ поселкѣ Спасскомъ, гдѣ мнѣ удалось побывать, подъ хлопкомъ 32% всѣхъ посѣвовъ; за послѣдніе 2 года размѣръ посѣвовъ хлопка увеличился съ двухъ до четырехъ десятиныхъ на каждое хозяйство. Туземный „омачъ“ замѣненъ у переселенцевъ желѣзнымъ плугомъ, и въ общемъ хлопковое хозяйство идетъ у нихъ не хуже, а лучше чѣмъ у сартовъ *). Въ Мургабскомъ имѣніи работаютъ среди туркменъ и русскіе арендаторы, и въ будущемъ это имѣніе можетъ получить въ край полезное значеніе рассадника русскихъ хлопководовъ.

Предварительный „стажъ владѣнія“ и занятіе хлопководствомъ—такое первое условіе полученія переселенцами орошенныхъ земель. Вторымъ непремѣннымъ условіемъ является отводъ надѣловъ въ единоличную собственность, отрубамъ и хуторами. Цѣнность и крайне интенсивный харак-

*) Гр. Паленъ, давшій, въ общемъ, почему то мало благопріятный и едва ли вѣрный отзывъ о хлопководствѣ въ переселенческихъ поселкахъ, приводитъ, однако, самъ въ своемъ отчетѣ цифры, показывающія урожайность хлопка у русскихъ переселенцевъ въ Самаркандской области въ 94 пуда, а у туземцевъ около 50 пуд. съ десятины.

теръ хлопковой культуры, въ связи съ необходимостью постоянного, изъ года въ годъ удобренія хлопковыхъ полей для поддержанія ихъ плодородія, дѣлаютъ сохраненіе передѣльной крестьянской общины на поливныхъ земляхъ Туркестана недопустимымъ.

Лучшимъ доказательствомъ этому служить то обстоятельство, что у туземцевъ Туркестана хлопокъ сѣется исключительно на земляхъ личной собственности, такъ называемыхъ „амляковыхъ“, тогда какъ въ полосѣ богарныхъ земель живетъ еще, на ряду съ подворно-наслѣдственнымъ владѣніемъ, и общинное пользованіе.

Арычная система орошенія въ Туркестанѣ и поливъ каждымъ хозяиномъ своихъ грядъ отдѣльно, въ отличіе отъ лиманнаго „орошенія“ на Мугани, состоящаго въ общемъ сплошномъ затопленіи полей, окончателно рѣшаетъ вопросъ о формахъ владѣнія у переселенцевъ въ пользу единоличной собственности. Существующіе въ Туркестанѣ русскіе поселки все переходятъ на поливныхъ земляхъ къ подворно-наслѣдственному владѣнію, сохраняя общину только для богарныхъ земель. Въ Ферганской и Самаркандской областяхъ такой переходъ составляетъ, повсемѣстно, уже совершившійся фактъ, подтвержденный и матеріалами ревизіи гр. Палена. Это и понятно: фермерскій типъ владѣнія единственно только и можетъ быть свойственъ поливнымъ землямъ, используемымъ для высшихъ „оранжерейныхъ“ культуръ. Вліяніе этихъ культуръ само по себѣ настолько сильно, что даже на Мугани, гдѣ въ виду первобытности приѣмовъ орошенія, требующихъ общаго одновременнаго полива полей, надѣлы отводились въ общину, сами переселенческіе поселки просятъ теперь о внутринадѣльномъ размежеваніи.

Правильнѣе, конечно, ставить дѣло образованія переселенческихъ участковъ изъ поливныхъ земель сразу на нѣныя начала: тщательной, мелкой разбивки и подготовки участковъ для заселенія. Къ тысячнымъ, искусственно создаваемымъ землямъ Туркестана нельзя подходить съ тѣми упрощенными приѣмами отвода переселенческихъ участковъ, которые оказались недостаточными даже въ условіяхъ сибирскаго простора, дешевыхъ и „дикопорожнихъ“ земель.

Размѣръ отводимыхъ участковъ не можетъ быть на поливныхъ земляхъ Туркестана значительнымъ. Желательно привлечь въ край болѣе густое русское населеніе и обезпечить болѣе скорую и полную разработку „ватныхъ“ земель, а для этого отдѣльнымъ семьямъ слѣдуетъ давать только то, что онѣ могутъ обработать въ первомъ же поколѣніи. Но необходимость создавать крѣпкія и зажиточныя русскія хозяйства ставить и

Размѣръ участковъ.

Отводъ земель въ единоличную собственность.

здѣсь противостоитъ стремленію уменьшать надѣлы. Среднимъ размѣромъ отвода слѣдуетъ признать отъ 8 до 10 десятинъ поливной земли на семью.

Аренда и про-
дажа надѣ-
ловъ.

Въ цѣляхъ скорѣйшаго полученія новыхъ запасовъ хлопка со всей, вновь орошенной, площади и болѣе быстрой выучки переселенцевъ приемамъ хлопковой культуры, не слѣдовало бы препятствовать на первое время даже передачѣ части надѣловъ въ субъ-аренду туземцамъ. Одинъ изъ существующихъ въ краѣ русскихъ поселковъ, устроенный на земляхъ, отобранныхъ у туземцевъ послѣ андижанскаго возстанія, „Русское Село“, обычно сдаетъ земли въ аренду сартамъ подъ хлопокъ, изъ опредѣленной доли. И хотя такой способъ хозяйства, обращенный въ систему, не можетъ быть признанъ правильнымъ и желательнымъ, но если ограничить право передачи земель издольщикамъ только первыми годами послѣ водворенія, то противъ такого порядка возражать трудно, тѣмъ болѣе, что участіе туземцевъ только поможетъ русскимъ поселкамъ перейти на хлопокъ.

Во всякомъ случаѣ, нельзя не признать, что сартъ-рабочій на землѣ русскаго переселенца хозяина—явленіе болѣе понятное и желательное чѣмъ обратное: русскій батракъ у сарта.

Послѣдующую продажу надѣловъ одними переселенцами другимъ слѣдовало бы разрѣшать безболѣзненно: такимъ путемъ земля найдетъ себѣ настоящаго хозяина вѣрнѣе, чѣмъ всякими иными способами искусственнаго подбора переселенцевъ. Воспретить необходимо лишь сосредоточеніе надѣловъ свыше извѣстной нормы въ однѣхъ рукахъ, а также перепродажу надѣловъ туземцамъ и иностраннымъ подданнымъ.

Отводъ
участковъ за
плату.

Послѣднимъ важнымъ звеномъ въ цѣпи будущихъ основъ заселенія русскими людьми орошенныхъ земель долженъ быть отводъ участковъ не даромъ, а за опредѣленную плату, отвѣчающую дѣйствительной стоимости отчуждаемой земли и покрывающую расходы казны на устройство орошенія.

Наставивъ на этомъ условіи, какъ по соображеніямъ денежныхъ интересовъ казны, такъ и по соображеніямъ психологическаго значенія—купленное всегда милѣе даренаго, и покупатель надежнѣе надѣляемаго,—я считаю, однако, желательнымъ сохранить для русскихъ переселенцевъ льготный характеръ платежей: разсрочку, право разсчитываться не деньгами, а частью урожая и т. д.

П. авитель-
ственная по-
мощь пересе-
ленцамъ.

Равнымъ образомъ для русскихъ переселенцевъ необходимо усилить правительственныя заботы, вызываемыя общими потребностями хлопковаго дѣла: агрономическую помощь и мелкій кредитъ. Значеніе этихъ заботъ

для края увеличится не только въ зависимости отъ расширенія орошенной площади и увеличенія посѣвовъ хлопка и числа хлопковыхъ хозяйствъ: опытные и показательныя агрономическія учрежденія края особенно нужны пришлому русскому человѣку, больше, чѣмъ сарту. Въ Туркестанѣ отношеніе и самихъ крестьянъ къ агроному нѣсколько иное, чѣмъ въ Европейской Россіи. Здѣсь онъ особенно нуженъ имъ человѣкъ. Пока самъ хозяинъ работать на хлопковой землѣ не умѣетъ, онъ невольно прислушивается къ чужому совѣту, и, по общимъ отзывамъ, русскіе крестьяне быстрее и успѣшнѣе сартовъ перенимаютъ усовершенствованные приемы хлопковаго хозяйства: и машинную обработку и правильные приемы полива. Для нихъ въ особенности желательно обезпечить помощь агрономическихъ учреждений.

Точно также, если нельзя мириться съ тяжелыми условіями кредита для хлопководовъ-сартовъ, то облегчить полученіе оборотнаго капитала русскими хлопководами, не дать ихъ въ кабалу мѣстнымъ баямъ, вдвойнѣ важно для государства. Утрата задолженной земли хозяиномъ-сартомъ приведетъ къ устройству на его мѣстѣ или другого сарта, или, въ будущемъ, быть можетъ, иногда и русскаго; случаи же отобранія за долги земель крупными сартами у русскихъ переселенцевъ, равно какъ и всѣ другія проявленія денежной власти сартовъ, безусловно не могутъ быть допущены.

На вновь орошенныхъ земляхъ, требующихъ новыхъ рабочихъ рукъ, интересы хлопководства и переселенія совпадаютъ. Между ними не приходится выбирать: это—двѣ стороны одной и той же государственной задачи. Поэтому орошеніе новыхъ земель, которое одно только можетъ дать Россіи и русскій Туркестанъ и весь нужный намъ хлопокъ, является для края основнымъ завѣтомъ русской государственной власти.

Три милліона десятинъ вновь орошенной земли могутъ дать краю, примѣрно, одинъ милліонъ десятинъ подъ посѣвомъ хлопчатника, т. е. еще около 20 милліоновъ пудовъ хлопка, и 300 тысячъ крѣпкихъ русскихъ хозяйствъ, т. е. свыше 1½ милліона русскаго населенія.

Такова цѣль, таковы вѣхи правительственной работы въ Туркестанѣ.

Будущее пе-
реселенія въ
краѣ.

ГЛАВА IV.

Общіе выводы.

Предстояція
затраты
казны.

Достиженіе намѣченныхъ выше задачъ—орошенія Туркестана, его заселенія, обогащенія его новыми миллионами пудовъ хлопка—неминуемо потребуетъ значительныхъ затратъ казны: въ общемъ, до семисотъ миллионъ рублей.

Можно, конечно, безъ труда доказать, что затраты эти окупятся, и даже съ избыткомъ. Цѣнность однихъ орошенныхъ земель составитъ около двухъ миллиардовъ рублей. Ясно также, что затраты потребуются не сразу: орошеніе новыхъ земель можетъ и должно идти постепенно, такъ чтобы аренда и распродажа части земель, уже орошенныхъ, главнымъ образомъ и давала средства для дальнѣйшихъ оросительныхъ работъ.

Оправдается ли этотъ расчетъ, покажутъ первые же опыты орошенія.

Но для приступа къ намѣченнымъ работамъ потребуются во всякомъ случаѣ новыя затраты казны, и затраты немалыя. Это необходимо сказать заранее, самымъ опредѣленнымъ образомъ. Оросить новыя земли, удвоить производительную площадь Туркестана безъ денегъ и даже безъ большихъ денегъ нельзя.

Если до послѣдняго времени въ области орошенія казенныхъ земель мы не ушли дальше неуверенныхъ попытокъ, то объясняется это, главнымъ образомъ, тѣмъ, что средства на орошеніе испрашивались и отпускались въ завѣдомо недостаточномъ размѣрѣ.

Конечно, весьма существенное препятствіе къ развитію оросительныхъ работъ также недостатокъ у насъ подготовленныхъ инженеровъ-гидротехниковъ; значеніе его я сознаю въ полной мѣрѣ; и все же это—препятствіе второстепенное. Хорошихъ гидротехниковъ пока мало у насъ въ Россіи, но еще недавно ихъ было очень мало вездѣ; источникомъ ихъ увеличенія и лучшей школой для нихъ явится опытъ: только опытъ родитъ настоящее знаніе, только трудъ создаетъ работника. Русскіе инженеры заявили уже себя талантливыми работниками на многихъ поприщахъ инженернаго дѣла. Налицо удачный опытъ ихъ работъ и въ области орошенія: плотины Мургаба. Можно привлечь, наконецъ, и иностранныхъ инженеровъ, какъ это дѣлають частные предприниматели. Словомъ, люди для выполненія оросительныхъ работъ найдутся; нужны, главнымъ образомъ, средства.

Часть денегъ для орошенія—чѣмъ больше, конечно, тѣмъ лучше—дать, надо надѣяться, частная предприимчивость. Но прежде всего придется идти на крупныя затраты и казны.

Обращаясь къ Государственному Казначейству за новыми ассигнованіями на Средне-Азиатскую окраину, не лишнее, однако, выяснить, какъ же именно до сихъ поръ складывался балансъ доходовъ и расходовъ Туркестана? живетъ ли этотъ край за счетъ коренной Россіи или ей помогаетъ своими взносами?

Доходъ или
убытокъ для
казны Туркестана.

Вопросъ этотъ долгое время считался спорнымъ. Центральная власть, начиная съ графа Д. А. Толстого и вплоть до нашихъ дней, доказывала, что Туркестанъ—„рѣдкій въ исторіи примѣръ колоніи, живущей за счетъ метрополіи“. Туркестанскіе Генералъ-Губернаторы, напротивъ, настаивали на томъ, что Туркестанъ приноситъ Россіи доходы, а не убытки. И тотъ и другой взглядъ подкрѣплялся цифрами; все дѣло сводилось къ различнымъ только приемамъ подсчетовъ: относить ли расходъ на военную оборону Туркестана цѣликомъ на счетъ этого края или считать его расходомъ общегосударственнымъ, лишь въ известной долѣ падающимъ на окраину? какъ учитывать чрезвычайные расходы желѣзнодорожныя и т. п.

Среднее, примирительное мнѣніе высказано за послѣднее время въ отчетѣ графа Палена. По заключенію графа Палена, ни коренной Россіи, ни Туркестану нѣтъ, въ сущности, оснований предъявлять другъ къ другу встѣчные искы; балансъ сводится почти безъ прибылей и убытковъ, скорее даже съ небольшою выгодой для центральной Россіи.

Едва ли, однако, такимъ выводомъ можно удовлетвориться. Отъ завоеванной азиатской окраины, отъ русской колоніи, государство въ правѣ рассчитывать получать больше, чѣмъ само оно на нее тратитъ, включая всѣ военные и чрезвычайные расходы. Довольствоваться въ балансѣ нулемъ, равновѣсіемъ—послѣ полулѣтняго обладанія богатымъ краемъ—значило бы свести къ нулю и всѣ экономическіе плоды завоеванія.

Между тѣмъ таблица однихъ только обыкновенныхъ доходовъ и расходовъ края за 42 года русскаго владычества, которая извлечена была по моей просьбѣ изъ официальныхъ документовъ (помѣщена въ приложеніи), показываетъ, что за обладаніе Туркестаномъ мы заплатили уже, въ общей сложности, полтораста миллионъ рублей, даже не считая чрезвычайныхъ расходовъ,—напр., на желѣзныя дороги, стоившія еще 164 миллионъ. На текущія нужды окраины государство ежегодно приплачивало, въ среднемъ, болѣе 3½ милл. рублей, и только за послѣднія 6 лѣтъ начинаетъ

обозначаться небольшой перевѣсъ доходовъ надъ расходами. Но этотъ перевѣсъ пока ничтоженъ. Если взять средній годъ послѣдняго шестилѣтія—1909-й, то окажется, что Туркестанъ далъ въ этомъ году казнѣ +1 миллионъ рублей; для того, чтобы оцѣнить по достоинству значеніе этого миллиона достаточно напомнить, что за тотъ же 1909 годъ по всей Имперіи (кроме Финляндіи) превышеніе обыкновенныхъ доходовъ надъ расходами составило 135½ миллионъ рублей. Если сопоставить эти суммы съ количествомъ населенія въ Туркестанѣ и во всей Имперіи, не говоря уже о земельной площади и ея цѣнности, то окажется, что Туркестанъ даетъ казнѣ, относительно, четверо меньше другихъ частей государства.

Такимъ образомъ, въ итогѣ, окрѣпшее экономически подъ русскимъ владычествомъ туземное населеніе далеко не въ должной мѣрѣ участвовало въ общегосударственныхъ расходахъ и погашеніи нашихъ долговъ, а до 1907 года даже на свои повседневныя нужды получало какъ бы пособія отъ казны.

Конечно, значеніе подобныхъ подсчетовъ очень условно. Туркестанъ, какъ колонія, служить коренной Россіи не только прямыми взносами денегъ въ казну; онъ даетъ богатую дань натурой: прежде всего хлопкомъ, а затѣмъ также шелкомъ, фруктами, рыбой, шерстью и проч. Значительную часть денегъ, уплачиваемыхъ Туркестану за эти продукты, въ свою очередь, край возвращаетъ, въ обмѣнъ за ситцы, желѣзо, хлѣбъ, сахаръ,—все, что коренная Россія везетъ въ Туркестанъ. Торговый оборотъ между центромъ и окраиной идетъ быстро и оживленно, и молодая Оренбургско-Ташкентская дорога начинаетъ уже, по своей доходности, выравниваться и догонять старѣйшія изъ русскихъ дорогъ: перевѣсъ эксплуатаціонныхъ доходовъ надъ расходами составлялъ, по этой дорогѣ, въ 1910 году около 7 миллионъ рублей, а въ 1911—свыше 8 миллионъ.

Учесть всѣ эти сложныя хозяйственныя отношенія и выяснить, что же даетъ Туркестанъ, въ концѣ концовъ, не казнѣ русской, а вообще Россіи, какъ своей метрополіи,—можетъ только подробное специальное изслѣдованіе.

Съ своей стороны, присмотрѣвшись на мѣстѣ, хотя и немного, къ условіямъ жизни Туркестана, я могу высказать въ рамкахъ настоящей записки только общее убѣжденіе въ томъ, что государство недостаточно полно используетъ эту южную, щедро одаренную природой окраину. И путемъ обложенія и во всякомъ случаѣ путемъ болѣе широкаго развитія производительныхъ силъ края можно бы получать съ Туркестана гораздо больше, чѣмъ въ настоящее время. И теперь, когда дѣло идетъ о новыхъ

Богатство и
неиспользо-
ванность
силъ края.

крупныхъ расходахъ, связанныхъ съ орошеніемъ земель для „новаго Туркестана“, естественно возникаетъ вопросъ: должна ли дать средства на это дѣло, попрежнему, исключительно одна только коренная Россія, или и „старый Туркестанъ“ можетъ внести свою долю?

Не только „по всей справедливости“, но и по всѣмъ впечатлѣніямъ, полученнымъ во время поѣздки, я долженъ сказать, что двухъ отвѣтовъ на этотъ вопросъ быть не можетъ. Край богатъ, онъ слишкомъ полонъ нетронутыхъ еще силъ, чтобы мириться съ дальнѣйшей оплатой его расходовъ за счетъ центральныхъ губерній.

Какъ лучше использовать въ будущемъ производительныя и платежныя силы края, сколько еще миллионъ рублей можно въ ближайшіе годы собрать въ самомъ Туркестанѣ для оплаты расходовъ на его орошеніе и другія нужды, вопросъ общей финансовой политики. Я не могу лишь не указать, напр., на то, что бесѣды мои съ мѣстными людьми и собранныя на мѣстѣ справки только укрѣпили меня въ правильности предположеній о введеніи въ Туркестанѣ хлопкового налога. Обложеніе орошенныхъ земель въ край все еще остается хотя и неравномѣрнымъ, но, въ общемъ, сравнительно невысокимъ. Объ этомъ, кроме всякихъ другихъ подсчетовъ, свидѣтельствуетъ, между прочимъ, и безнедоимочный ходъ поступленія сборовъ. Переобложенія земель, которое по закону должно производиться каждыя 6 лѣтъ, нигдѣ не производилось. Въ среднемъ, сборы съ орошенныхъ земель края фактически составляютъ теперь, по подсчетамъ Контроля, отъ 4 до 6% валовой доходности, тогда какъ законъ опредѣляетъ норму обложенія для Туркестана въ 10%.

Въ частности, посѣвы хлопка до сихъ поръ, по закону 1891 года, облагаются наравнѣ съ „сухими посѣвами“ пшеницы, хотя срокъ этой исключительной льготы, установленный при самомъ ея дарованіи—6 лѣтъ, истекъ уже въ 1897 году.

Съ тѣхъ поръ, одна только пошлина на американскій хлопокъ, составляющая премію русскимъ хлопководамъ, увеличена съ 1 рубля 20 копѣекъ до 4 рублей 15 копѣекъ на пудъ: поднялись цѣны, увеличилась доходность земель, культура хлопка упрочилась. Съ другой стороны, увеличеніе пошлины на хлопокъ значительно удорожило стоимость хлопчатобумажныхъ издѣлій; нашему внутреннему рынку пришлось переплатить за американскій хлопокъ, на пошлинѣ, въ послѣднія 20 лѣтъ около семисотъ миллионъ рублей: начиная съ 1900 года—по 40 миллионъ рублей въ годъ. Такимъ образомъ, расцвѣтъ Туркестанскаго хлопководства

достигнуть цѣною немалыхъ жертвъ со стороны всего населенія Имперіи.

При такихъ условіяхъ вопросъ о возможности переложить, наконецъ, съ нашихъ ржаныхъ и пшеничныхъ полей на хлопковые поля Туркестана хотя бы часть расходовъ на дальнѣйшее развитіе хлопководства — принципиально едва ли можетъ встрѣчать сомнѣнія. Даже мѣстные люди, какъ я имѣлъ случай убѣдиться въ нѣсколькихъ совѣщаніяхъ, въ частности Кокандскій биржевой комитетъ, не идутъ дальше пожеланій о *постепенномъ* введеніи хлопкового налога, но не отрицаютъ его возможности и цѣлесообразности.

Введеніе налога на хлопокъ, разумѣется, далеко не единственная возможная мѣра въ области обложенія. Кибиточная подать съ кочевниковъ теперь, какъ и 30 лѣтъ назадъ, составляетъ четыре рубля съ кибитки, хотя за это время доходы кочевниковъ-скотоводовъ увеличились не менѣе какъ на 60%. Въ краѣ освобождены отъ акциза вино, табакъ, цѣлый рядъ другихъ предметовъ потребления. Такихъ примѣровъ, приводимыхъ мною только для иллюстраціи, не мало.

Еще слабѣе, чѣмъ податныя силы населенія, используются въ краѣ государственныя имущества. Доходъ отъ нихъ несоразмѣрно малъ: весь доходъ собственно отъ земли не достигаетъ и четверти милліона.

Между тѣмъ, не говоря уже о томъ, что въ будущемъ орошеніе казенныхъ земель придастъ имъ колоссальную цѣнность, слѣдуетъ признать, что доходъ отъ казенныхъ земель можетъ быть увеличенъ въ нѣсколько разъ и независимо отъ орошенія. Площадь введенныхъ пока въ оборотъ казенныхъ земель составляетъ всего только 38 тысячъ десятинъ, при чемъ и эти земли сдаются въ аренду на слишкомъ краткіе сроки и за пониженную плату.

Для края, гдѣ свободныхъ государственныхъ земель насчитывается 28 милліоновъ десятинъ, этого слишкомъ мало. Необходимо принять въ казну всѣ свободныя земли и, разобравшись въ ихъ пригодности, установить затѣмъ наиболѣе хозяйственный порядокъ ихъ использованія.

Въ этомъ смыслѣ мною даны на мѣстѣ необходимыя указанія и намѣченъ рядъ организаціонныхъ мѣръ по упорядоченію оборотнаго дѣла. Значеніе этого дѣла въ краѣ весьма крупно и не только для интересовъ казны, но быть можетъ для всего нашего народнаго хозяйства. Болѣе интенсивное использование казенныхъ земельныхъ запасовъ не только даетъ лишніе деньги казнѣ, оно открываетъ многимъ поприще для примѣненія труда, денежныхъ сбереженій, личной инициативы. Важно не только обога-

щеніе этимъ путемъ казны — оно не такъ велико, важно предоставленіе казною новыхъ источниковъ обогащенія трудолюбивымъ и предприимчивымъ людямъ. Въ Туркестанѣ центральное мѣсто въ казенномъ оборотномъ хозяйствѣ должна занять сдача земель, не пригодныхъ для орошенія и земледѣлія, подъ культурное *овцеводство*. Если съ этихъ земель нельзя получить „ваты“, то съ нихъ можно взять шерстью. Переселеніе въ Туркестанъ овецъ съ сѣвернаго Кавказа и съ юга Россіи, гдѣ тонкорунное овцеводство не выдерживаетъ высоты земельныхъ цѣнъ и гибнетъ, уже началось: въ одномъ Чимкентскомъ уѣздѣ насчитывается до 15 тысячъ тонкорунныхъ шпанокъ. Для новыхъ овцеводныхъ хозяйствъ въ Сыр-Дарьинской области отграничено около 150 тысячъ десятинъ, и дѣло это имѣетъ всѣ данныя для развитія. Овцеводство даетъ въ краѣ прекрасный доходъ (до 30%), и качество тонкорунной шерсти остается очень высокимъ, не грубѣетъ, какъ это замѣчается въ другихъ частяхъ киргизской степи. Быть можетъ, пастбища Туркестана если и не избавятъ Россію отъ необходимости покупать шерсть у Австраліи, за что въ прошломъ году, какъ извѣстно, государство заплатило 42 милліона рублей, — такъ сократить этотъ налогъ съ нашего отечества.

Лѣсное хозяйство въ Туркестанѣ также можетъ дать казнѣ гораздо больше, чѣмъ въ настоящее время. Какъ ни скудны остатки лѣсовъ края, вытоптанныхъ и объѣденныхъ стадами кочевниковъ, но все-таки, благодаря постепенному отграниченію уцѣлѣвшихъ лѣсовъ отъ кочевій и увеличенію расходовъ на лѣсную стражу, доходъ отъ лѣсовъ уже теперь — больше, чѣмъ отъ всѣхъ безбрежныхъ пространствъ казенныхъ земельныхъ статей края. За послѣднія 5 лѣтъ лѣсной доходъ увеличился болѣе чѣмъ втрое: съ 285 тысячъ рублей до 938 тысячъ рублей. Главный доходъ даютъ степныя саксауловыя заросли, площадью до 9¹/₂ милліоновъ десятинъ. Доходность ихъ можно еще значительно поднять введеніемъ правильнаго оборота саксауловой рубки. Рубка эта была запрещена, производился отпускъ только мертваго саксаула, такъ какъ преобладало ошибочное мнѣніе о крайне медленномъ его возобновленіи. Въ этомъ дѣлѣ много надеждъ внушаетъ наглядное, непосредственное знакомство на мѣстѣ съ результатами опытовъ искусственнаго разведенія саксаула и его разновидностей въ цѣляхъ укрѣпленія песковъ. Въ Закаспійской области этимъ путемъ не только достигнута прямая цѣль — защиты желѣзнодорожной линіи отъ песчаныхъ заносовъ, но и твердо установлено, что саксаулъ растетъ быстро и обладаетъ могучею способностью самосѣва и возобновленія. Открыты и опытомъ провѣрены способы использовать эти его качества для заросенія

имъ огромныхъ площадей песчаной пустыни. Въ этомъ отношеніи долготѣнная работа Министерства Путей Сообщенія въ лицѣ лѣсовода Палецкаго производитъ свѣтлое бодрящее впечатлѣніе, какъ важное русское культурное начинаніе въ краѣ, гдѣ борьба съ пескомъ, занесшимъ нѣкогда цѣлые города и селенія—дѣло первѣйшей важности.

Словомъ, какой бы отрасли мѣстнаго народнаго хозяйства ни коснуться, всюду видишь, что при небольшомъ усиленіи заботливости о ней можно достигнуть еще значительнаго увеличенія богатства и самаго края, и всего государства.

Даже такія, долгое время остававшіяся въ тѣни, отрасли сельскаго хозяйства, какъ, напр., шелководство или рыболовство, только теперь ожидающія отъ законодательныхъ учрежденій отпуска достаточныхъ кредитовъ на ихъ нужды и утвержденія насущно необходимыхъ имъ законовъ (объ обязательномъ контролѣ грены, объ измѣненіи запретныхъ сроковъ лова, и т. п.) все-таки обнаружили задатки большого развитія: цѣнность собираемаго шелка увеличилась за послѣднія 10 лѣтъ съ 1 милліона рублей до $3\frac{1}{4}$ милліоновъ рублей въ годъ, цѣнность улова и сбыта рыбы съ 1 милліона рублей до 4 милліоновъ рублей. Общая ежегодная доходность садовъ и виноградниковъ Туркестана достигла уже 11 милліоновъ рублей и т. д.

Въ какой мѣрѣ можно привлечь эти развивающіяся отрасли сельскаго хозяйства къ обложенію,—вопросъ открытый. Главное, быть можетъ, всячески содѣйствовать пока только ихъ развитію. Но быстрое и полное развертываніе всѣхъ производительныхъ силъ Туркестана не можетъ не дать, въ итогѣ, косвенныхъ выгодъ и русскому центру, и государственному казначейству. Цѣнность одного хлопка, вывезеннаго изъ края за послѣднюю четверть вѣка (свыше 100 милліоновъ пудовъ), равняется милліарду. Хлопокъ и останется, конечно, главной культурой въ краѣ, но и другія культуры могутъ дать многое.

Въ ряду тѣхъ мѣръ, которыя должны быть предприняты въ Туркестанѣ сельско-хозяйственнымъ вѣдомствомъ, я не могу особо не остановиться здѣсь на одной,—не самой важной, но наиболѣе забытой, менѣе всего оцѣненной. Необходимо, конечно, придать болѣе широкую и прочную постановку мѣстнымъ сельско-хозяйственнымъ учрежденіямъ, намѣченную проектомъ преобразованія вѣдомства, находящимся въ Государственной Думѣ; необходимо широко примѣнять испытанныя уже въ Туркестанѣ, въ хлопковомъ дѣлѣ, мѣры агрономической помощи; но есть и еще одна сторона правительственной дѣятельности въ краѣ: сельско-хозяйственное образованіе.

Туркестанъ—наша оранжерея, страна хлопка и другихъ цѣнныхъ культуръ; будущее края—въ сельскомъ хозяйствѣ, и притомъ хозяйствѣ особомъ: промышленномъ, сложномъ, требующемъ специальныхъ знаній и навыковъ. Казалось бы, и постановка образованія въ краѣ должна быть согласована съ общимъ характеромъ мѣстной экономической обстановки, носить ту же окраску. На дѣлѣ, однако, и въ Ташкентѣ, какъ и въ Петербургѣ, школа наша издавна строится по шаблону; всѣ народности и подъ всеми широтами мы учимъ упорно и настойчиво только одному Горацию. Предвзятость, безпочвенность этой системы особенно рѣжетъ глазъ на нашихъ азіатскихъ окраинахъ, гдѣ отвлеченно-гуманитарное образованіе гимназій дается дѣтямъ сартовъ и закавказскихъ татаръ, а самое главное—дѣтямъ русскихъ людей, которые должны бы нести на окраину техническія знанія, умѣнье обращаться съ водой, землей, хлопкомъ, виноградниками. Въ такомъ краѣ школа должна заложить въ будущемъ поколѣніи, если не самые практическіе навыки, приобретаемые внослѣдствіи опытомъ, то общую психологію хозяина, желающаго и умѣющаго богатѣть, создавать и увеличивать цѣнности, а не подходить, какъ это чаще всего бываетъ теперь, къ существующему бытовому и государственному укладу съ одними отвлеченными запросами и сомнѣніями.

Съ этой точки зрѣнія, я придаю большое принципиальное значеніе намѣченному открытію близъ г. Ташкента средняго сельско-хозяйственнаго училища, а также улучшенію существующихъ въ краѣ низшихъ школъ сельскаго хозяйства и садоводства и, въ особенности, предполагаемому преобразованію Ташкентской гидротехнической школы, съ перенесеніемъ ея изъ города въ сельскую обстановку.

Гидротехническое образованіе наиболѣе важно для Туркестана: будущее края—въ орошеніи, въ новой сѣти арыковъ, въ бережномъ пользованіи водой. Здѣсь, болѣе чѣмъ гдѣ-нибудь, школа не можетъ, не должна оставаться въ сторонѣ отъ этихъ, самыхъ насущныхъ интересовъ окружающей дѣйствительной жизни.

Высшее учебное заведеніе Туркестана, когда настанетъ время его открытія, также должно давать краю преимущественно тѣхъ людей, въ которыхъ онъ больше всего нуждается: не юристовъ и не филологовъ, а инженеровъ-гидротехниковъ, агрономовъ и технологовъ на заводы.

Опираясь на такихъ людей, подготовленныхъ специально школой, съ дѣтства сжившихся съ мѣстными природными и бытовыми условіями, не стремящихся никуда уйти изъ края, государственная власть съ гораздо

Сельско-хозяйственное образованіе.

большимъ успѣхомъ можетъ осуществлять свою задачу—привлеченіе Туркестана къ полной, во всю мѣру его силъ, хозяйственной жизни.

Перенести центр тяжести правительственныхъ заботъ на эту именно сторону дѣла—созданіе новыхъ хозяйственныхъ цѣнностей въ краѣ, и наиболѣе искусно использовать ихъ въ общегосударственныхъ интересахъ—такова основная, наиболѣе вѣрная постановка отношеній къ Туркестану, какъ русской колоніи.

Вопросы
управленія.

Мѣры экономического оживленія края, отпускъ новыхъ средствъ на его орошеніе, заселеніе, желѣзныя дороги, кредитъ, агрономію,—неизмѣримо болѣе существенны, чѣмъ всѣ вопросы внѣшнихъ формъ управленія краемъ.

Въ Туркестанѣ пока еще не закончена творческая эпоха внутренняго устройства. Эта эпоха требуетъ не той или иной перестройки формъ управленія, а сильной, вооруженной средствами и энергіей власти. Только эта власть и можетъ создать чаемый „Новый Туркестанъ“.

Въ этой перспективѣ, вопросы о заимствѣя военнаго управленія Туркестана общегосударскимъ или предположенія графа Палена о введеніи въ краѣ земства представляются отдаленными и сравнительно второстепенными. И та, и другая реформа—дѣло будущаго. Обѣ онѣ полезны, хороши и благотворны, но лишь при наличности въ краѣ достаточнаго русскаго населенія.

Между тѣмъ коренной Туркестанъ—это пока еще сплошное туземное море. Русскіе поселки, русскіе новые „города“, въ старыхъ туземныхъ городскихъ поселеніяхъ, пока—только островки среди этого моря, это лишь опорные и, слава Богу, твердые пункты для дальнѣйшаго осѣданія здѣсь русскихъ людей. Въ сельскихъ мѣстностяхъ русскихъ числится по послѣднимъ даннымъ: въ Закаспійской области—4.775 человекъ, въ Самаркандской—4.804, Ферганской—8.782 и только въ Сыръ-Дарьинской—40.234 человекъ. Въ процентномъ отношеніи это составляетъ, по областямъ отъ $1\frac{1}{3}$ до 6%.

При такихъ условіяхъ довольно трудно теперь же перевести край „на общее положеніе“. Видя воочию подавляющее пока въ Туркестанѣ преобладаніе туземной стихіи, невольно чувствуешь, что здѣсь еще мѣсто русскому военному лагерю, это—этапъ побѣднаго шествія Россіи въ Среднюю Азію; русская военная власть понятнѣе и внушительнѣе для притихшей туземной толпы, чѣмъ гражданская; и если, по образному выраженію Миддендорфа, „губернаторъ во фракѣ“ долженъ въ каждой колоніи смѣнять „губернатора въ эплетяхъ“, то смѣна эта должна совершаться лишь въ свое время.

Военное управленіе не мѣшало до сихъ поръ хозяйственному развитію Туркестана, не помѣшаетъ ему и въ будущемъ. Составъ уѣздныхъ начальниковъ, являющихся главной рабочей силой мѣстнаго управленія, хорошъ, и администрація края въ общемъ успѣшно справляется со своими прямыми задачами. Необходимо только освободить ее отъ обязанностей по орошенію и завѣдыванію казенными землями, все еще лежащихъ пока на областныхъ правленіяхъ, на помощникахъ военнаго губернатора, на областныхъ „ирригаторахъ“ и т. п. Эти задачи—подъема сельской культуры, службы народному хозяйству Туркестана, русской его колонизаціи должны быть выполнены сельско-хозяйственнымъ вѣдомствомъ; но достиженіе ихъ вполне осуществимо и въ рамкахъ общаго военнаго управленія.

Земство въ краѣ также пока только отвлеченная идея, которой трудно придать реальныя очертанія. При ничтожности русскаго сельскаго населенія и при сосредоточеніи всѣхъ цѣнныхъ земель, за единичными исключеніями, въ рукахъ туземцевъ—вводить теперь же уѣздное земство значитъ неминуемо дѣлать его сплошь сартовскимъ или киргизскимъ. Ограничиваться же, въ расчетъ на городское русское населеніе, введеніемъ сначала одного только губернскаго земства (такія предположенія мнѣ приходилось слышать отъ мѣстныхъ людей)—значитъ начинать строить съ крыши и переполнять земство тѣми же русскими чиновниками, трудъ и время которыхъ уже заняты.

Крѣпкое и жизнеспособное земство можетъ явиться въ край только слѣдомъ за русской колонизаціей. Земство нужно будетъ уже послѣ созданія русскаго Туркестана, а не въ цѣляхъ его созиданія.

Очередныя, громадныя задачи русской власти—не въ той или иной перестройкѣ учреждений края, а въ подъемѣ его производительныхъ силъ.

Какъ русская окраина, Туркестанъ молодъ: ему только 50 лѣтъ. Какъ страна, это—одна изъ древнѣйшихъ въ мірѣ. За нѣсколько тысячелѣтій своего существованія, Туркестанъ зналъ много народовъ-завоевателей. Въ VI вѣкѣ до Рождества Христова имъ овладѣли персы, въ IV—греки, во II—скифы; затѣмъ пять вѣковъ господствовали китайцы, потомъ тюркскія племена, арабы, и, наконецъ, до прихода русскихъ, монголы и узбеки.

Почти всѣ эти народы-завоеватели сначала разоряли Туркестанъ, но затѣмъ, говорятъ, оставляли ему въ наслѣдство и какіе-либо дары новой культуры. Такъ, китайцы дали первую ирригацію, приемы обработки полей, культуру риса, шелка, хлопчатника. Арабы—текинскую лошадь и каракулевую овцу. Персы—сухое земледѣліе, сады, посѣвы люцерны.

Задачи рус-
ской власти.

Что дали Туркестану русскіе?

Твердую, справедливую власть, порядокъ, спокойствіе, собственность, обезпечившіе расцвѣтъ его производительныхъ силъ; американскій хлопчатникъ, давшій Туркестану богатство; двѣ крупнѣйшія желѣзные дороги.

Продолжая государственное строительство въ краѣ, должно теперь перенести его и въ область новыхъ, пока еще почти нетронутыхъ задачъ — орошенія и русскаго заселенія; обѣ онѣ сливаются въ одну: послѣдовательнаго и упорнаго созиданія новаго русскаго Туркестана, который дастъ и весь нужный хлопокъ и много другихъ экономическихъ и политическихъ цѣнностей.

Главные вы-
воды.

Для достиженія этой задачи необходимо осуществить слѣдующія главнѣйшія мѣропріятія:

1) *Постепенно распространить оросительныя работы въ Туркестанѣ на всю площадь, доступную для орошенія: 3 милліона десятинъ.* При этомъ, изъ осторожности, слѣдуетъ начать съ улучшенія существующихъ ирригаціонныхъ системъ и съ использованія водъ рѣки Сыръ-Дарьи, для орошенія земель въ испытанныхъ уже хлопковыхъ районахъ, и лишь послѣдовательно переходить къ болѣе труднымъ и новымъ задачамъ. Орошеніе удвоитъ производительную площадь Туркестана, откроетъ возможность прилива въ край полутора-милліоннаго русскаго населенія и съ избыткомъ обезпечитъ хлопкомъ русскія фабрики. Затраты на орошеніе окупятся въ нѣсколько лѣтъ, но онѣ будутъ велики и должны быть даны въ полной, необходимой мѣрѣ.

2) *Привлечь къ работамъ по орошенію частную предпріимчивость.* При этомъ въ условіяхъ нормальнаго договора между казною и предпринимателями должна быть обезпечена возможность для государства получить въ свое распоряженіе, безъ затратъ, часть орошенной площади, что достигается правилами о раздѣлѣ орошенныхъ земель между казною и предпріятіемъ. Правила эти разработаны и будутъ внесены на законодательное утвержденіе.

3) *Дать, наконецъ, краю, вся хозяйственная жизнь котораго зависитъ отъ условій пользованія водой, водный законъ,* пересмотрѣвъ и исправивъ проектъ его, нынѣ находящійся въ Государственной Думѣ.

4) *Всѣ вновь орошенные казною или передаваемые казнѣ орошенные земли предоставить русскимъ переселенцамъ.* Русское переселеніе въ край, до сихъ поръ незначительное въ виду отсутствія свободныхъ и подготовленныхъ для заселенія земель, обнаружило, однако, и въ Туркестанѣ всѣ задатки жизненности и будущаго развитія. Въ частности

русскіе люди въ краѣ быстро и успѣшно осваиваются и съ культурой хлопчатника. Правила объ отводѣ будущихъ орошенныхъ земель русскимъ переселенцамъ должны быть основаны на началахъ отвода земель за плату, въ единоличное владѣніе, съ передачей земель въ собственность послѣ предварительнаго обращенія переселенцами части земель подъ хлопокъ.

5) *Ускорить постройку желѣзной дороги Артыс-Вирный.* Эта дорога, связавъ Туркестанъ съ хлѣбороднымъ Семирѣчьемъ, обезпечитъ краю дешевый привозный хлѣбъ и освободитъ въ немъ часть орошенныхъ земель, занятыхъ теперь хлѣбами, подъ хлопокъ. Значеніе этой дороги, съ орошеніемъ новыхъ площадей въ Туркестанѣ, не только не уменьшится, но увеличится; а въ дальнѣйшемъ, когда и Семирѣченскаго хлѣба окажется недостаточно, желательнѣе продолжить эту дорогу на сѣверъ, къ Алтаю, проведя, такимъ образомъ, Туркестано-Сибирскую магистраль.

6) *Безотлагательно обсудить вопросъ объ устройствѣ, при содѣйствіи Государственнаго Банка, правильно организованнаго мелкаго кредита хлопководамъ,* развивъ съ кредитныхъ товариществъ. Мѣра эта избавитъ хлопководовъ отъ непосильныхъ переплатъ по частнымъ займамъ, упрочитъ хлопковую культуру въ краѣ и дастъ необходимыя оборотныя средства, безъ которыхъ дальнѣйшее расширеніе хлопковыхъ посѣвовъ неосуществимо.

7) *Обсудить вопросъ о распространеніи на Туркестанъ дѣятельности Крестьянскаго Поземельнаго Банка.* Наличность въ краѣ поступающихъ на рынокъ орошенныхъ земель и юридическая возможность ихъ приобрѣтенія даютъ основаніе рассчитывать, что при содѣйствіи мѣстнаго отдѣленія Банка удастся достигнуть перехода хотя бы небольшой части орошенныхъ земель къ русскимъ переселенцамъ въ самомъ центрѣ мусульманскаго Туркестана.

8) *Усилить агрономическую помощь,* оказавшую уже краю большія услуги и въ особенности важную въ будущемъ, для русскаго заселенія, поставивъ ей опредѣленно главными практическими задачами:

а) выработку надежныхъ и выгодныхъ пріемовъ сухого богарнаго земледѣлія, дающаго возможность освободить орошенные земли для болѣе цѣнныхъ культуръ;

б) подборъ сѣмянъ скороспѣлыхъ сортовъ хлопчатника, позволяющаго культурѣ хлопка подвигаться на сѣверъ

и в) введеніе въ хозяйственный обиходъ края машинной обработки хлопковыхъ плантацій, сокращающей потребность въ рабочихъ рукахъ,

9) Дать краю отвечающую его потребностям сельскохозяйственную школу. Будущее Туркестана—въ сельскомъ хозяйствѣ, въ цѣнныхъ и сложныхъ культурахъ, требующихъ специальныхъ знаний и привитой съ дѣтства привычки беречь воду и землю. При этомъ и въ школьномъ дѣлѣ на первый планъ необходимо выдвинуть подготовку агрономовъ и, въ особенности, наиболее нужныхъ Туркестану людей—гидротехниковъ.

6 Мая 1912 года.

ПРИЛОЖЕНИЕ.

Таблица обыкновенныхъ доходовъ и обыкновенныхъ расходовъ по Туркестанскому краю за 42 года русскаго владычества въ краѣ.

(Составлена по даннымъ Туркестанской Контрольной Палаты).

Г О Д А.	Поступило до- ходовъ.	Пронзведено расходовъ.	Поступило до- ходовъ по срав- ненію съ рас- ходами.
	Обыкновенныхъ.		— менѣе. + болѣе.
1869	2.356.241	4.233.482	— 1.877.231
1870	2.957.229	5.966.321	— 3.009.092
1871	2.089.128	6.726.858	— 4.637.730
1872	1.994.286	7.526.965	— 5.532.678
1873	2.617.387	8.609.548	— 6.992.161
1874	2.950.015	8.651.334	— 5.701.319
1875	2.928.255	8.337.386	— 5.409.131
1876	4.020.975	9.727.765	— 5.706.790
1877	3.865.899	9.937.574	— 6.071.675
1878	3.835.800	12.540.036	— 8.704.236
1879	4.206.571	11.290.188	— 7.083.617

Г О Д А.	Поступило до- ходовъ.	Произведено расходовъ.	Поступило до- ходовъ по срав- ненію съ рас- ходами.
	Обыкновенныхъ.		— менѣе. + болѣе.
1880	4.073.925	14.947.762	— 10.873.837
1881	6.537.260	15.338.335	— 8.801.075
1882	6.315.458	12.554.885	— 6.239.427
1883	7.947.643	12.031.616	— 4.083.973
1884	7.421.067	11.108.455	— 3.687.388
1885	7.106.419	10.845.990	— 3.739.571
1886	6.832.503	10.797.244	— 3.964.740
1887	6.085.999	10.474.307	— 4.388.308
1888	6.201.906	10.188.934	— 3.987.027
1889	6.746.051	11.405.698	— 4.659.647
1890	5.805.108	9.105.921	— 3.300.813
1891	7.250.147	8.924.624	— 1.674.477
1892	5.953.858	9.309.611	— 3.355.753
1893	6.719.761	9.465.754	— 2.745.993
1894	6.459.944	9.896.759	— 3.436.805
1895	6.577.252	9.814.250	— 3.236.998
1896	6.978.719	9.308.650	— 2.329.931
1897	9.894.764	11.160.683	— 1.265.919
1898	8.941.032	11.127.576	— 2.186.544
1899	7.730.606	11.910.251	— 4.179.645
1900	8.778.006	13.109.379	— 4.331.373
1901	9.302.189	13.618.077	— 4.315.888

Г О Д А.	Поступило до- ходовъ	Произведено расходовъ.	Поступило до- ходовъ по срав- ненію съ рас- ходами.
	Обыкновенныхъ.		— менѣе. + болѣе.
1902	10.180.768	13.687.468	— 3.506.700
1903	11.755.454	14.421.381	— 2.665.927
1904	13.289.863	13.703.236	— 413.373
1905	13.231.805	15.714.006	— 2.482.201
1906	15.405.624	15.033.953	+ 371.671
1907	16.249.370	14.298.962	+ 1.950.408
1908	16.341.510	15.927.529	+ 413.981
1909	17.589.774	16.565.242	+ 1.024.532
1910	20.104.864	17.388.043	+ 2.716.821
1911	22.227.277	18.836.278	+ 3.390.999
Итого . . .	345.857.724	495.568.329	— 149.710.605